

Глава III

СОЦИАЛИЗМ

Предыдущая глава была посвящена анализу концепции предпринимательства. Эту главу мы начнем с подробного объяснения природы социализма и того, как социализм препятствует возникновению необходимых для жизни в обществе координирующих тенденций. В частности, будет рассмотрено воздействие социализма на стимулы и на генерирование информации, а также порождаемую им девиантную вариацию предпринимательского процесса. Кроме того, мы объясним, в каком смысле социализм является интеллектуальным заблуждением и почему его сущность всегда неизменна, несмотря на то, что исторически он проявлялся в различных типах и формах, чьи основные характеристики мы попытаемся выделить. Глава завершается критическим анализом традиционных концепций социализма.

1. Определение социализма

Мы называем «социализмом» *любую систему институциональной агрессии против свободного проявления предпринимательства*. Под *агрессией* или *принуждением* мы имеем в виду любое физическое насилие или угрозу физического насилия, которые иницирует или предпринимает против действующего субъекта иное лицо или группа лиц. В результате такого *принуждения* человек, который в ином случае свободно проявлял бы предпринимательство, вынужден, чтобы избежать худшего зла, действовать не так, как он действовал бы свободно в подобных обстоятельствах, и, следовательно, менять собственное поведение и приспособлять его к целям лица или лиц, которые его принуждают¹. Агрессию в

¹ Словарь испанского языка Королевской Академии определяет слово «принуждение» (*coaccion*) как «силу или насилие, используемое для того, чтобы заставить кого-либо что-либо сделать»

указанном смысле можно рассматривать как в высшей степени *античеловеческую деятельность*. Причина в том, что принуждение (вмешательство, агрессия) не дает человеку свободно проявлять предпринимательство. Иными словами, если обратиться к определению из предыдущей главы, принуждение мешает человеку добиваться тех целей, которые он обнаруживает, и использовать для их достижения средства, которыми он, руководствуясь собственным мнением и основываясь на своих знаниях, располагает. Следовательно, агрессия — это зло, ведь оно не дает человеку заниматься самым главным, что делает его человеком, тем, что наиболее полно отвечает его сокровенной человеческой сути.

Агрессия бывает двух типов: систематическая, или институциональная, и несистематическая, или неинституциональная. Второй тип принуждения, рассредоточенный, произвольный и малопредсказуемый, воздействует на предпринимательство

[*la fuerza o violencia que se hace a una persona para que ejecute alguna cosa*]. Это слово восходит к латинскому *cogere*, заставлять, и к *coactionis*, которое относится к сбору налогов. О концепции принуждения и его воздействии на действующего субъекта см.: F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty* (reprint, London: Routledge, 1990), esp. 20—21. В свою очередь, Мюррей Ротбард определяет «агрессию» следующим образом: «Агрессия определяется как инициирование физического насилия или выражение угрозы его применения против человека или чужой собственности» (Murray N. Rothbard, *For a New Liberty* [New York: Macmillan Publishing, 1973], 8). Существует три типа принуждения или агрессии: *аугустическое*, *двустороннее* и *трехстороннее*. Аугустическая агрессия означает, что приказ отдается только одному субъекту и меняет его поведение, но никак не влияет на взаимодействие между ним и другими людьми. В случаях двусторонней агрессии орган власти использует по отношению к действующему субъекту принуждение, чтобы получить от него что-то против его воли; то есть орган власти насильственно меняет в свою пользу условия обмена между собой и подвергающимся принуждению действующим субъектом. Трехстороннее принуждение происходит, когда целью приказа и принуждения со стороны органа власти является насильственный обмен между двумя разными действующими субъектами. Эта система классификации заимствована из книги Мюррея Ротбарда: Murray N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy*, 2nd ed. (Menlo Park, California: Institute for Humane Studies, 1970), 9, 10 [Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск: Социум, 2008. С. 18].

тогда, когда человек считает более или менее вероятным, что в ходе конкретной деятельности он будет подвергнут принуждению третьей стороной, которая даже, возможно, насильно отнимет у него продукт его предпринимательского *творчества*. В то время как в зависимости от обстоятельств результат несистематических вспышек агрессии по отношению к согласованному осуществлению человеческого взаимодействия может быть более или менее серьезен, *институциональная или систематическая* агрессия, которая является ядром нашего определения социализма, оказывает гораздо более вредное влияние, если такое возможно. Действительно, институциональное принуждение носит высокопредсказуемый, повторяющийся, методичный и организованный характер².

² Конечно, мы не относим к институциональной агрессии (вмешательству) тот минимальный уровень институционального принуждения, который необходим для предотвращения и исправления последствий неинституциональной (несистематической), произвольной агрессии. Даже сам неинституциональный агрессор одобряет существование этого минимального уровня институционального принуждения — разумеется, не по отношению к его личной несистематической агрессии — и желает мирно пользоваться его преимуществами. Решение, в котором нуждается каждое общество, пытающееся избежать несистематической и неинституциональной агрессии и исправить ее последствия, требует развития этической теории прав собственности. Такая теория должна основываться на идее, что человек является законным собственником всех плодов своей предпринимательской активности, если он осуществлял ее, не прибегая к агрессии или принуждению по отношению к кому-либо другому. Мы рассматриваем как социализм любое расширение сферы систематического принуждения за пределы минимума, необходимого для защиты правых институтов, определяющих и регулирующих права собственности. Наиболее типичной организацией, использующей систематическое, или институциональное, принуждение, является государство, и в этом смысле во всех случаях, когда минимальный уровень принуждения, необходимый для предотвращения и ликвидации несистематической агрессии, превышен, государство и социализм становятся непосредственно связанными понятиями. Здесь неподходящее место для изложения различных аргументов, высказанных в дискуссиях между либертарианцами разного толка: защитниками строго ограниченной роли государства, с одной стороны, и сторонниками анархокапитализма — с другой. Тем не менее следует отметить, что анархокапиталисты утверждают,

что утопично ожидать от организации, обладающей монополией на насилие, успешного самоограничения, — и действительно, все исторические попытки ограничить государственную власть описанным выше минимумом провалились. (По этой причине теоретики анархокапитализма предлагают систему конкурирующих организаций с добровольным членством, которые взялись бы за задачу определения и защиты прав собственности, а также за дело предупреждения преступности и борьбы с ней.) Кроме того, если строго ограниченное государство принудительно финансируется за счет налогов, то есть за счет систематического насилия по отношению к гражданам и их свободе действий в том, что касается определения и защиты прав собственности, то и строго ограниченное государство можно назвать социалистическим в строгом значении этого термина. В свою очередь, защитники ограниченного государства утверждают, что различные частные охранные агентства будут вынуждены договариваться об общих принципах и общей организации, и, таким образом, де-факто государство неизбежно возникнет вновь, как результат процесса развития общества. О содержательной стороне этой стимулирующей дискуссии см., в частности: David Friedman, *The Machinery of Freedom* (Illinois: Open Court, 1989); Murray N. Rothbard, *For a New Liberty* (New York: Macmillan, 1973), *The Ethics of Liberty* (New Jersey: Humanities Press, 1982), chap. 23; Robert Nozick, *Anarchy, State and Utopia* (New York: Basic Books, 1974) [Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008]. Хайек не высказывался определенно о шансах на то, что в будущем возникнет анархокапиталистическая система. Он упоминает о том, что процесс социального развития еще ни разу не приводил к безгосударственному обществу. Затем он пишет, что, с другой стороны, эволюционный процесс социального развития еще не дошел до конца, и поэтому сегодня нельзя знать, что произойдет в будущем: исчезнет ли государство, став печальной и темной исторической реликвией, или же выживет, но в минимальной форме, и власть его будет строго ограничена. (Он исключает возможность долгосрочного выживания интервенционистского государства или государства реального социализма, в силу теоретической невозможности обеих этих моделей.) См.: *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism* [Хайек. пагубная самонадеянность: Ошибки социализма]. В свою очередь, Иоанн Павел II (*Centesimus Annus*, chap. 5, section 48 [1991]), отмечает, что главная обязанность государства — гарантировать людям личную свободу и защиту собственности, «чтобы те, кто трудится, производит, могли пользоваться плодами своего труда, а потому работали хорошо и честно». Он добавляет, что государству следует вмешиваться только в чрезвычайных обстоятельствах, что

1. Определение социализма

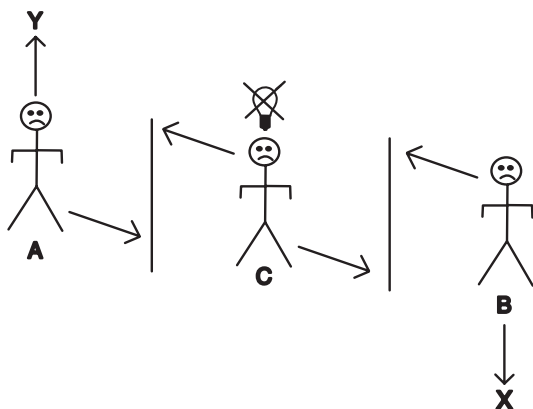

Рис. III-1

Главное последствие систематической агрессии против предпринимательства состоит в том, что она существенно мешает предпринимательской деятельности, а также извращает сущность предпринимательства во всех общественных сферах, где принуждение оказывает большое воздействие.

Предположим, что на рис. III-1 свободной человеческой деятельности *C* по отношению к *A* и *B* в конкретной сфере социальной жизни систематически и организовано препятствуют путем принуждения. Мы обозначили это вертикальными линиями, отделяющими *C* от *A* и *B*. Систематическое принуждение представляет собой серьезную угрозу, и вследствие этого *C* больше не в состоянии обнаружить и использовать возможность прибыли — в отличие от того, что было бы, если бы он мог свободно взаимодействовать с *B* и *A*. Очень важно ясно понимать, что агрессия не только препятствует людям пользоваться прибыльными возможностями; она исключает даже

вмешательство должно быть временным, и что следует уважать принцип субсидиарности в отношении гражданского общества. Наконец, необходимо упомянуть о том, что во многих обществах систематическая агрессия совершается не только непосредственно государством; во многих сферах, при общности и с согласия государства, агрессия такого типа осуществляется группами и ассоциациями, которые, как например, профсоюзы, на практике пользуются «привилегией» безнаказанного использования систематического насилия против остального населения.

*саму возможность их обнаружить*³. Как мы объяснили в предыдущей главе, вероятность получить прибыль стимулирует человека к поиску возможностей. Следовательно, если в какой-то сфере социальной жизни имеет место систематическое принуждение, то люди обычно приспосабливаются к этому, считают такое положение данностью, и, соответственно, в данной сфере в принципе не создают, не находят и не замечают возможностей получить прибыль. Чтобы показать это на нашей схеме, мы перечеркиваем лампочку, обозначающую творческий акт чистого предпринимательского открытия.

Чисто логически, если агрессия состоит в систематическом использовании насилия в какой-либо социальной сфере и если в результате люди не могут проявлять в ней предпринимательство, то не возникнет ни одного из изученных нами типичных последствий предпринимательского акта. Во-первых, новая информация не будет создана и передана от человека к человеку, а во-вторых, в случаях отсутствия социальной координации не будет происходить необходимое приспособление. (Второе из этих последствий гораздо опаснее первого.) Действительно, если у людей не будет возможности свободно использовать возможности для получения прибыли, у них не будет и стимула находить ситуации социальной рассогласованности или отсутствия координации. Короче говоря, информация не будет создаваться и не будет распространяться, а индивиды не будут учиться приспосабливать свое поведение к поведению других людей.

Таким образом, на рис. III-1 мы видим, что отсутствие у *C* условий для предпринимательства поддерживает систему в состоянии перманентной разбалансированности: *A* не может преследовать цель *Y*, потому что у него нет ресурса, который есть у *B*, но совсем ему не нужен; а *B*, не зная, что *A* существует и остро нуждается в ресурсе, тратит его впустую. На основании нашего анализа можно сделать вывод, что главное последствие социализма, как мы его определили, состоит в сдерживании действия координирующих сил, которые делают возможной

³ «Ведь в самом деле, там, где интересы личности насильственно подавлены, их заменяет *обременительная система бюрократического контроля, иссушающая источники инициативы и творческой деятельности*» (John Paul II, *Centesimus Annus*, chap. 3, section 25, paragraph 3 [1991]).

жизнь в обществе. Означает ли это, что сторонники социализма борются за хаотическое и беспорядочное общество? Совсем наоборот. За редкими исключениями, защитники социалистического идеала отстаивают его потому, что они явно или неявно считают (или предполагают), что система социальной координации не только не будет повреждена институциональной, или систематической, агрессией, к которой они призывают, но, напротив, что эта система станет гораздо более эффективной, поскольку систематическое принуждение будет осуществляться *органом власти*, чьи оценки и знания (в отношении целей и средств) и в количественном, и в качественном отношении значительно превосходят те, на которые способны жертвы принуждения на индивидуальном уровне. Теперь мы можем дополнить определение социализма, сформулированное в начале раздела: *Социализм — это любое систематическое или институциональное принуждение или агрессия, которое ограничивает свободное осуществление предпринимательства в какой-либо социальной сфере и осуществляется органом власти, отвечающим за обеспечение необходимой социальной координации в этой сфере*. В следующем разделе мы выясним, в какой степени социализм в нашем понимании является (или не является) интеллектуальным заблуждением.

2. Социализм как интеллектуальная ошибка

В предыдущей главе мы видели, что социальная жизнь возможна благодаря тому, что отдельные люди, стихийно и не осознавая этого, обучаются подстраивать свое поведение к потребностям других. Этот бессознательный процесс обучения естественно возникает в ходе осуществления человеком предпринимательской деятельности. Итак, по мере того как человек взаимодействует с другими людьми, он спонтанно инициирует процесс корректировки или координации, в ходе которого новая, неявная, практическая и рассеянная информация постоянно создается, открывается и распространяется между людьми. Мы знаем, что социализм состоит в основном из институциональной агрессии против свободы человеческой деятельности и предпринимательства. Поэтому вопрос, который ставит социализм, таков: может ли в принципе механизм принуждения инициировать процесс, который корректирует

и координирует поведение разных людей и является ключевым для функционирования жизни в обществе; и может ли он запустить такой процесс в среде, где люди постоянно находят и создают новую практическую информацию, которая обеспечивает развитие цивилизации? Идеал социализма дерзок и честолюбив⁴, поскольку включает не просто утверждение о том, что механизм социальной координации и коррекции возможно запустить с помощью органа власти, применяющего институциональное принуждение в соответствующей сфере, но и представление о том, что эта принудительная процедура может привести к более высокому уровню координации.

Рис. III-2 иллюстрирует наше определение социализма. На «нижнем» уровне изображенной на нем схемы мы находим людей, которые обладают практическим знанием или информацией и, следовательно, пытаются свободно взаимодействовать друг с другом, несмотря на то, что в некоторых сферах институциональное принуждение препятствует их взаимодействию. Мы изображаем это принуждение с помощью вертикальных линий, которые отделяют друг от друга человек в каждой группе из трех членов. На «высшем» уровне нарисован орган власти, который осуществляет институциональное принуждение в некоторых сферах социальной жизни⁵.

⁴ Людвиг фон Мизес писал: «Идея социализма в одно и то же время и грандиозна, и проста... Можно сказать, что это одно из самых дерзких созданий человеческого духа... это затея настолько величественная, настолько отважная, что она вполне заслуженно вызвала величайшее восхищение. Мы должны победить социализм, нельзя беззаботно от него отмахнуться, если мы намерены спасти мир от нового варварства» (Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (Indianapolis: Liberty Classics, 1981), 41 [Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. С. 39]).

⁵ Ту же самую терминологию использует Иоанн Павел II в своей энциклике *Centesimus Annus*, где, в контексте критики «социальной помощи» или социального государства, он пишет: «сообщество более высокого порядка не должно вмешиваться во внутреннюю жизнь сообщества более низкого порядка, присваивая его функции». — *Centesimus Annus*, chap. 5, section 48, paragraph 4 [1991]). Типичное принуждение высокого порядка может осуществлять один-единственный человек, но обычно это группа людей, действующих организованно, хотя и не обязательно последовательно. В обоих случаях принуждение

Вертикальные стрелки, идущие от человечков нижнего уровня и направленные вверх и вниз, указывают на наличие несогласованных личных планов, которое является типичным признаком отсутствия социальной координации. Эти случаи отсутствия координации невозможно обнаружить и устранить с помощью предпринимательства из-за барьеров, воздвигнутых институциональным принуждением. Стрелочки, идущие от головы «высшего» человечка к каждому из человечков нижнего уровня, обозначают *приказы*, воплощающие типичную для социализма институциональную агрессию и предназначенные для того, чтобы заставить граждан согласованно действовать ради достижения цели *F*, которую *орган власти* считает «справедливой».

Под *приказом* понимается любое специфическое указание или правило, которое, хотя и напоминает формально правовую норму, запрещает, приказывает или заставляет людей выполнять определенные действия в конкретных обстоятельствах. Приказ характеризуется тем, что он запрещает людям свободно заниматься предпринимательством в данной социальной сфере. Кроме того, приказы представляют собой сознательные произведения властного органа, применяющего институциональное принуждение; они предназначены для того, чтобы принудить всех людей реализовывать не свои собственные цели, а цели властей⁶.

применяет очень небольшое количество людей по сравнению с количеством тех, кто подвергается принуждению (социальные группы низшего порядка).

⁶ Ф. А. Хайек противопоставляет приказу материальное право, которое можно определить как абстрактную норму, которая имеет общее содержание и в равной степени распространяется на всех людей без учета их конкретных обстоятельств. В отличие от того, что мы говорили о приказах, *закон* устанавливает рамку, внутри которой каждый человек может создавать и находить новое знание, а также пользоваться его преимуществами по мере того, как он продвигается к своим личным целям, сотрудничая с другими; и если он соблюдает закон, то не имеет значения, в чем состоят его цели. Кроме того, *законы*, в отличие от приказов, не являются сознательными произведениями человеческого разума — они происходят из *обычаев*. Иными словами, это институты, которые развивались в течение очень долгого периода времени с помощью многих отдельных людей, каждый из которых своим поведением участвовал в передаче другим своего собственного маленького

Социализм представляет собой интеллектуальное заблуждение потому, что теоретически невозможно, чтобы орган, отвечающий за осуществление институциональной агрессии, получил доступ к информации, достаточной для того, чтобы отдавать приказы, способные координировать жизнь общества. Этот простой довод, который мы рассмотрим довольно подробно, можно развивать с двух разных, но дополняющих друг друга, точек зрения: во-первых, с точки зрения группы человеческих существ, которые составляют общество и подвергаются принуждению; во-вторых, с точки зрения органа принуждения, систематически осуществляющего агрессию. Сейчас мы проанализируем проблемы социализма с каждой из этих двух точек зрения.

3. Невозможность социализма с точки зрения общества

«Статический» аргумент

Каждый из взаимодействующих друг с другом людей, образующих общество («нижний» уровень на рис. III-2), обладает несколькими битами эксклюзивной, практической, рассеянной информации, которая по большей части неявная, так что ее нельзя выразить словами (артикулировать). Следовательно, передать эту информацию органу власти («высшему» уровню на рис. III-2) *логически невозможно*. Общий объем всей практической информации, существующей в рассеянном виде на индивидуальном уровне и используемой всеми людьми, настолько велик, что невозможно представить себе, чтобы орган власти смог сознательно овладеть ею. Кроме того, что гораздо важнее, эта информация рассеяна по умам всех людей

запаса опыта и информации. Эту очевидную разницу между законом и приказами часто не замечают из-за изменений в государственном законодательстве, которое состоит по большей части из приказов, введенных в действие под названием законов. См.: F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1959), chap. 10 [Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2008. Гл. 10]. В табл. III-1 показывается, каким образом социализм извращает закон и справедливость, подменяя их произвольными приказами.

3. Невозможность социализма с точки зрения общества

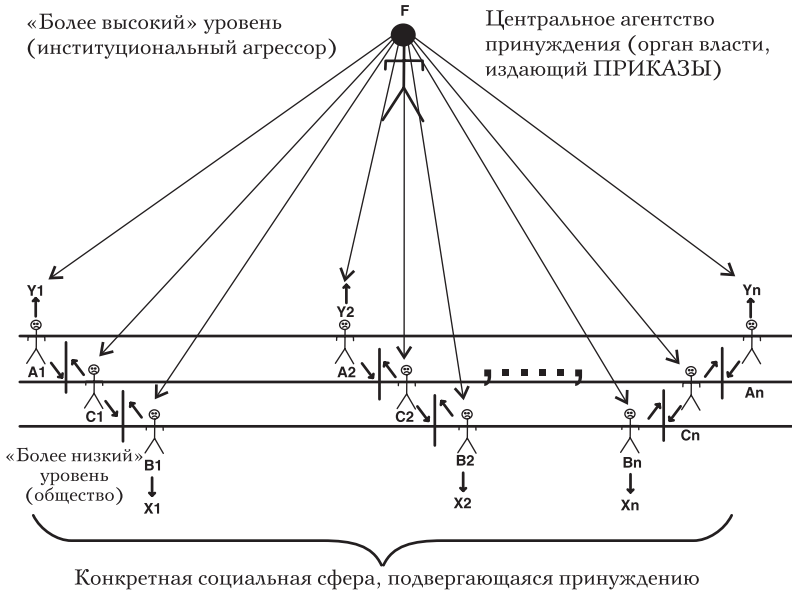

Рис. III-2

в форме неявного знания, которое невозможно заключить в слова, и, следовательно, *его нельзя выразить формально или явным образом передать какому-либо правительственному органу.*

В предыдущей главе мы видели, что действующие в обществе субъекты создают и передают значимую для жизни общества информацию неявным образом, децентрализованно и в рассеянном виде; иными словами, они делают это бессознательно и ненамеренно. Различные субъекты деятельности действительно *обучаются* согласовывать свое поведение с интересами других, но они не осознают этого, как и того, что они сами играют ключевую роль в процессе обучения: они просто считают, что действуют, то есть пытаются достичь своих собственных, частных целей, используя те средства, которыми, по их мнению, они располагают. Следовательно, знание, о котором идет речь, доступно только людям, действующим в обществе, и по своей природе оно таково, что его нельзя явным образом передать централизованному органу принуждения. Поскольку это знание необходимо для социальной координации различных индивидуальных моделей поведения, дела-

ющей возможным существование общества, и поскольку его нельзя выразить и соответственно нельзя передать органу власти, мнение о том, что социалистическая система работоспособна, с точки зрения логики абсурдно⁷.

«Динамический» аргумент

Социализм невозможен не только потому, что информация, которой обладает действующий человек, по своей природе не поддается эксплицитной передаче, но и потому, что с дина-

⁷ Хайек пишет: «Это означает, что рынок находит применение личным знаниям и умениям, образующим всегда уникальные в том или ином отношении индивидуальные сочетания и основанным не только и даже не столько на усвоении таких фактов, которые можно было бы перечислить и сообщить по требованию некоей власти. Знание, о котором говорю я, связано скорее со способностью разбираться в конкретных деталях и обстоятельствах; оно обретает действительность только тогда, когда рынок информирует обладателей подобного знания, в каких товарах и услугах ощущается потребность и насколько она настоятельна» (Хайек, "Competition as a Discovery Procedure" (1968) in *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas* [London: Routledge and Kegan Paul, 1978], 182 [Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. №12]). Кроме того, на с. 51 второй главы первого тома (под названием «Правила и порядок») книги Ф. А. Хайек, *Law, Legislation and Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1973) [Хайек. Право, законодательство и свобода. С. 69], читаем: «В этом и состоит суть доводов против *вмешательства* или *вторжения* в рыночный порядок. Изолированные приказы, требующие от субъектов стихийного порядка выполнения определенных действий, не только не способны улучшить, но, напротив, неизбежно должны разрушить этот порядок по той причине, что *они относятся к части системы независимых действий, направляемых информацией и целями, которые известны только нескольким действующим лицам, но не властям*. Стихийный порядок возникает в результате того, что каждый элемент [этого порядка] осуществляет уравнивание действующих на него сил и *согласовывает друг с другом все свои действия*; однако если некоторые действия станут направляться другой силой, которая стремится к *иным целям и учитывает иные знания, этот баланс неизбежно будет разрушен*» (курсив мой. — У. де С.).

3. Невозможность социализма с точки зрения общества

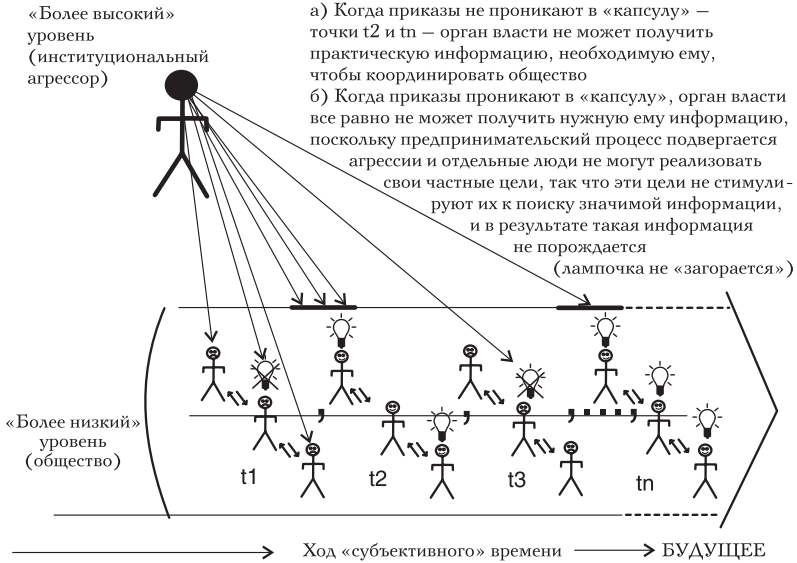

Рис. III-3

мической точки зрения, когда люди занимаются предпринимательством, то есть действуют, они постоянно *создают и открывают* новую информацию. Кроме того, вряд ли можно передать органу власти информацию или знание, которые *еще не созданы*, а возникают постепенно в ходе самого социального процесса, если этому процессу не мешают.

На рис. III-3 изображены действующие субъекты, создающие и находящие новую информацию в ходе социального процесса. По мере того, как идет *время* (*время* в субъективном смысле, по Бергсону), те, кто занимается предпринимательством, взаимодействуя с другими людьми, непрерывно обнаруживают новые возможности для получения прибыли, которыми они стремятся воспользоваться. В результате информация, которой владеет каждый из них, постоянно меняется. На рисунке это изображено с помощью разных *лампочек*, зажигающихся по мере того, как проходит время. Ясно, что орган власти в принципе не может получить информацию, необходимую ему для координирования общества посредством приказов, не только потому, что эта информация рассеянная, эксклюзивная и не поддающаяся вербализации, но и потому, что она постоянно меняется и возникает *ex nihilo*, по мере того как

проходит время и действующие субъекты свободно проявляют предпринимательство. Кроме того, вряд ли было бы возможно передать органу власти информацию, которая всегда оставалась бы необходимой для управления обществом, в случаях, когда эта информация еще не была создана предпринимательским процессом или — в случае институционального принуждения — когда она в принципе не может быть создана.

Например, когда утро предвещает перемену погоды, фермер *понимает*, что ему следует изменить свои планы в том, что касается конкретных дел, которые он собирался сделать *в этот день*, хотя и не может формально изложить причины своего решения. Поэтому фермер не смог бы передать эту информацию, плод многих лет опыта и труда на ферме гипотетическому органу власти (например, столичному Министерству сельского хозяйства) и ожидать от него указаний. То же самое относится к любому другому человеку, который занимается предпринимательством в конкретной сфере и решает, инвестировать ему или нет в конкретную компанию или в конкретную отрасль, покупать или нет конкретные акции или ценные бумаги, нанимать или нет конкретных людей на работу и т.п. Таким образом, можно рассматривать практическую информацию как, так сказать, *герметичную*, в том смысле, что она недоступна для высшей власти, осуществляющей институциональное вмешательство. Кроме того, эта информация постоянно меняется и возникает в новых формах, по мере того как люди шаг за шагом создают будущее.

Наконец, вспомним, что, чем продолжительнее и действеннее социалистическое принуждение, тем сильнее оно будет препятствовать свободному достижению личных целей, то есть не будет позволять этим целям служить стимулами, а людям — находить или создавать в ходе предпринимательского процесса практическую информацию, необходимую для координирования общества. Итак, перед властным органом неизбежно встает дилемма. Ему необходима информация, которую порождает социальный процесс, но он в принципе не в состоянии получить ее: если орган власти вмешивается в этот процесс, он разрушает способность процесса создавать информацию; а если не вмешивается, он все равно не получает никакой информации.

Итак, можно сделать вывод, что с точки зрения социального процесса социализм представляет собой интеллектуальное заблуждение, поскольку орган власти, отвечающий за вмеша-

тельство посредством приказов, в принципе не может получить информацию, необходимую, чтобы добиться координации в обществе. Он не может этого сделать по следующим причинам: *во-первых*, орган принуждения не в состоянии сознательно усвоить тот огромный объем практической информации, который рассеян в умах людей. *Во-вторых*, поскольку необходимая информация по своей природе является неявной и не может быть выражена словами, ее невозможно передать центральной власти. *В-третьих*, невозможно передать информацию, которую люди еще не обнаружили и не создали, информацию, которая возникает только в процессе свободного проявления предпринимательства. *В-четвертых*, использование принуждения препятствует тому, чтобы предпринимательский процесс вызывал открытие и создание информации, необходимой для поддержания координации в обществе.

4. Невозможность социализма с точки зрения органа власти

С точки зрения того, что на наших рисунках фигурирует как «высший» уровень, то есть лицо или более или менее организованная группа лиц, осуществляющие систематическую институциональную агрессию против свободного осуществления предпринимательства, можно сделать ряд замечаний, даже в большей степени, чем предыдущие, если такое возможно, подтверждающих вывод о том, что социализм представляет собой просто интеллектуальную ошибку.

Допустим для начала в порядке дискуссии, как это делает Мизес⁸, что властный организм (будь то диктатор, военный лидер, элита, группа ученых или интеллектуалов, министерство, группа представителей, демократически избранных «народом», или любое сочетание любого уровня сложности всех или некоторых из этих элементов) обладает максимальными техническими и интеллектуальными возможностями, опытом и мудростью, а также исполнен наилучших намерений (правда, вскоре мы увидим, что действительность не соответствует этому допущению, и узнаем, почему). Однако, веро-

⁸ Ludwig von Mises, *Human Action*, 696 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 653].

ятно, мы не можем предположить, что орган власти обладает сверхчеловеческими способностями и конкретно даром *всеведения*, то есть способностью одновременно собирать, усваивать и истолковывать всю рассеянную, эксклюзивную информацию, существующую в умах каждого из действующих в обществе людей, информацию, которую эти люди постоянно генерируют *ex novo*⁹. Истина в том, что управляющий орган, который иногда называют центральным или отраслевым плановым органом, чаще всего не обладает рассеянным знанием, существующим в умах всех тех людей, которые потенциально являются объектами его приказов, или имеет об этом чрезвы-

⁹ Что такое справедливая, или математическая цена вещей? Изучив этот вопрос, испанские схоласты XVI—XVII вв. пришли к выводу, что *справедливая цена* зависит от такого количества *конкретных обстоятельств*, что ее может знать только Господь, и что, соответственно, для целей человека справедливой ценой является цена, стихийно установленная в ходе социального процесса, иными словами, рыночная цена. Ту же точку зрения выражает Иоанн Павел II в энциклике *Centesimus Annus* (chap. 4, section 32 [1991]), где он пишет, что справедлива та цена, о которой люди «свободно договорились». Возможно, в самом фундаменте социализма лежит скрытое атавистическое желание человека уподобиться Богу, или, выражаясь более корректно, *повернуть в то, что он — Бог*, и соответственно, волен использовать гораздо больший запас информации, чем по силам человеку. Поэтому иезуит кардинал Хуан де Луго (1583—1660) писал: *pretium iustum mathematicum, licet soli Deo notum* (точную математическую цену позволено знать только Господу). См.: Juan de Lugo, *Disputationes de iustitia et iure*, Lyon 1643, volume 2, D. 26, S. 4, N. 40. В свою очередь Хуан де Салас, также иезуит и профессор философии и теологии в разных университетах Испании и в Риме, соглашался с Хуаном де Луго, когда говорил по поводу возможности узнать справедливую цену: *quas exacte comprehendere et ponderare Dei est, non hominum* (постичь и измерить ее в точности — дело Господа, а не человека; *Commentarii in Secundam Secundae D. Thomas de Contractibus*, Lyon 1617, Tr. Empt. et Vend., IV, number 6, p. 9). Другие интересные цитаты испанских схоластов приведены в: F. A. Hayek, *Law, Legislation and Liberty*, vol. 2, 178, 179 [Хайек. Право, законодательство и свобода. С. 567—568]. Великолепный обзор вклада испанских схоластов XVI—XVII века в экономическую теорию см.: Murray N. Rothbard, “New Light on the Prehistory of the Austrian School,” in *The Foundations of Modern Austrian Economics* (Kansas City: Sheed and Ward, 1976), 52—74.

чайно смутные представления. Поэтому вероятность того, что плановый орган узнает, что и как искать, а также, где найти фрагменты рассеянной информации, которая порождается в ходе социального процесса и так отчаянно нужна ему, чтобы контролировать и координировать процесс, практически равна нулю.

Кроме того, орган принуждения не может не состоять из людей из плоти и крови со всеми их пороками и добродетелями, из людей, которые, как и все остальные действующие субъекты, имеют личные цели, работающие как стимулы, которые побуждают их находить информацию, значимую для них в контексте их частных интересов. Следовательно, очень вероятно, что те, из кого состоит орган власти, обладают хорошо развитой предпринимательской интуицией, и, следовательно, в этом случае они будут реализовывать свои собственные цели и интересы, создавая информацию и опыт, необходимые им, например, для того, чтобы оставаться у власти всю жизнь, оправдывать собственные действия перед собой и другими и рационализировать их, использовать принуждение все более изощренными и эффективными способами, преподносить свою агрессию гражданам как нечто неизбежное и правильное и т.п. Иными словами, хотя в начале мы предположили, что власти руководствуются наилучшими побуждениями, в стандартной ситуации указанные выше стимулы будут наиболее типичны и будут господствовать над остальными, особенно интерес к важной и конкретной практической информации, которая всегда существует в обществе в рассеянном виде и которая необходима для того, чтобы заставить общество действовать согласованно с помощью приказов. Специфичность этих стимулов будет мешать властям осознать уровень своего неизбежного неведения, и они будут все больше и больше погружаться в процесс, постепенно отдаляющий их от той самой социальной реальности, которую они пытаются контролировать.

Кроме того, руководящий орган будет неспособен производить *экономический расчет*¹⁰ в том смысле, что, вне зави-

¹⁰ В 1920 г. Мизес сделал оригинальное и блестящее открытие, когда привлек внимание коллег к невозможности экономического расчета в отсутствие рассеянной практической информации и знания, которые способен генерировать только свободный ры-

симости от их целей (допустим даже, что они чрезвычайно «гуманны» и «моральны»), у властей не будет никакого способа узнать, как издержки реализации этих целей соотносятся с той субъективной ценностью, которую они им приписывают. Издержки — это просто субъективная ценность для действующего человека того, от чего он отказывается, когда он действует ради достижения какой-либо конкретной цели. Ясно, что орган власти не может получить знания или информации, необходимых ему, чтобы понять те издержки, которые он несет, с точки зрения своей собственной шкалы ценностей, потому что информация о конкретных обстоятельствах времени и места, необходимая для оценки издержек, рассеяна по умам всех людей, которые составляют социальный процесс и подвергаются принуждению со стороны (демократически избранного или иного) органа власти, ответственного за осуществление систематической агрессии против общества.

Если называть *ответственным* действие, которое совершает тот, кто, основываясь на приблизительном экономическом расчете, осознает издержки этого действия, то можно сделать вывод, что руководящая обществом власть, вне зависимости от ее структуры, способа рекрутирования и ценностных представлений, будет действовать безответственно, так как она не в состоянии *увидеть* собственные издержки и оценить их. Здесь возникает неразрешимый *парадокс*: чем больше орган власти настаивает на планировании и контроле применительно к какой-либо области социальной жизни, тем менее

нок. См.: Mises, “Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen” in *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, vol. 47, 86—121. По-английски эта статья появилась под названием “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth” in F. A. Hayek (ed.), *Collectivist Economic Planning* (Clifton: Augustus M. Kelley, 1975), 87—130. Свою главную мысль Мизес излагает на с. 102: «Распределение среди некоторого числа индивидов административного контроля над экономическими благами в сообществе людей, принимающих участие в производстве благ и экономически заинтересованных в них, *приводит к своего рода интеллектуальному разделению труда*, которое было бы невозможно в отсутствие системы расчета производства и в отсутствие экономики» (курсив мой. — *У. де С.*). Следующая глава будет полностью посвящена рассмотрению всех следствий из этого аргумента Мизеса и анализу возникновения последовавшей за этим дискуссии.

вероятно, что он достигнет своих целей, потому что не в силах получить информацию, необходимую для того, чтобы организовывать и координировать общество. На самом деле, в той степени, в какой власть успешно применяет принуждение и ограничивает предпринимательские возможности людей, она станет причиной новых, более тяжелых случаев рассогласованности и искажений¹¹. Следовательно, мы должны сделать вывод, что полагать, будто органы власти способны производить экономические расчеты по аналогии с тем, как их делает отдельно взятый предприниматель — грубая ошибка. Наоборот, чем выше ступень социалистической системы, тем больше необходимой для экономического расчета непосредственной и практической информации теряется: до такой степени, что расчет становится полностью невозможен. Орган институционального принуждения препятствует экономическому расчету именно тогда, когда он успешно вмешивается в свободную человеческую деятельность.

5. Почему компьютеризация не делает социализм возможным

Разные люди, не слишком хорошо понимающие особую природу знания, от которого зависит существование общества, часто утверждают, что необыкновенный прогресс в сфере компьютеризации может обеспечить — и в теоретическом, и в практическом отношении — функционирование социалистической системы. Однако, несложное теоретическое доказательство позволяет нам показать, что развитие компьютерных систем и

¹¹ «Парадокс планирования состоит в том, что оно не может состояться из-за отсутствия экономического расчета. То, что называется плановой экономикой, вообще не является экономикой. Это просто система блуждания в потемках. Здесь не стоит вопроса о рациональном выборе средств для максимально возможного достижения преследуемых целей. То, что называется осознанным планированием, представляет собой как раз устранение осознанной целенаправленной деятельности» (Ludwig von Mises, *Human Action*, 700—701 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 656]). О парадоксе планирования и концепции ответственности см. раздел 6 этой главы.

увеличение их мощности *никогда не смогут компенсировать* внутренне присущее социализму неведение.

Наше доказательство основано на предположении, что выгода от развития компьютерных технологий будет доступна и органу власти, и различным индивидуальным действующим субъектам, принимающим участие в социальном процессе. Если это так, то в любых условиях, при которых люди осуществляют свою предпринимательскую деятельность, новые компьютерные инструменты, ставшие им доступными, в огромной степени увеличат их возможности создавать и открывать новую практическую информацию, рассеянную и неявную. И в качественном, и в количественном отношении произойдет колоссальный рост объема информации, которая будет генерироваться в процессе предпринимательства с помощью новых компьютерных инструментов, и эта информация будет становиться все более разнообразной и подробной, причем в степени, которую мы сегодня не можем представить себе на основании того знания, которым располагаем. Кроме того, с точки зрения логики, для органа власти будет все так же невозможно получить эту рассеянную информацию, *даже если он постоянно будет иметь в своем распоряжении самые современные, производительные и мощные компьютеры.*

Иными словами, значимое предпринимательское знание, порождаемое социальным процессом, всегда будет неявным и рассеянным, и, следовательно, его в принципе невозможно передать никакому органу власти, а развитие в будущем компьютерных систем лишь *еще сильнее обострит эту проблему* для власти, поскольку практическое знание, произведенное при помощи таких систем, будет становиться все более обширным, сложноорганизованным и разнообразным¹². Сле-

¹² Будет всегда существовать «лаг», или «качественный скачок», между тем уровнем сложности, который способен воспринимать орган власти со своим компьютерным оборудованием, и тем, который децентрализованно и стихийно создают социальные факторы, используя похожее оборудование (или по крайней мере оборудование того же поколения). У последних уровень сложности всегда будет несравненно выше. Вероятно, лучше всех это объяснил Майкл Поланьи, писавший: «Весь наш вербализуемый умственный багаж оказывается всего - навсего чрезвычайно эффективным набором инструментов для работы с теми нашими способностями, которые нельзя выразить словами. И мы не

5. Почему компьютеризация не делает социализм возможным

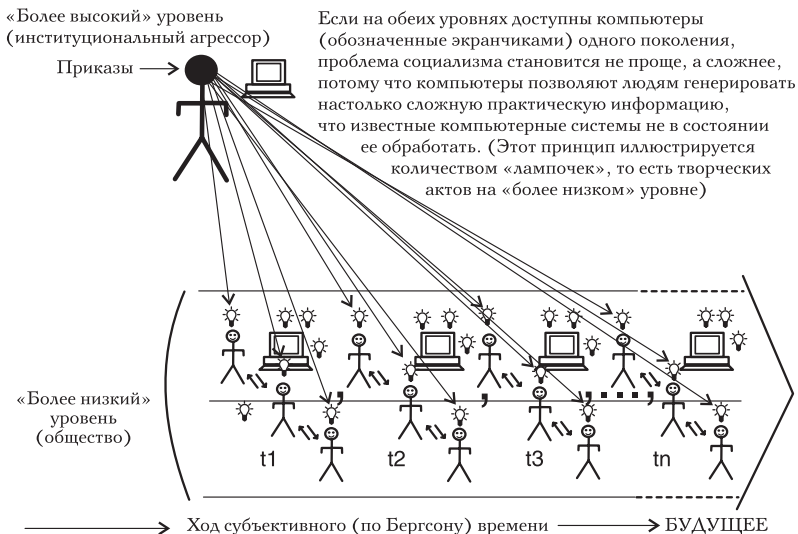

Рис. III-4

довательно, развитие компьютеров и компьютерных технологий не только не упрощает проблему социализма, но сильно осложняет ее, так как компьютеры дают действующим субъектам возможность предпринимательно создавать гораздо больший объем все более сложноорганизованной и подробной практической информации и данных, которые всегда будут более разнообразными и полными, чем те, которые способен обнаружить с помощью компьютеров орган власти. Рис. III-4 служит иллюстрацией этого доказательства.

Необходимо также отметить, что созданные человеком компьютеры и компьютерные программы никогда не будут способны действовать или заниматься предпринимательством; они никогда не будут способны создавать новую прак-

должны останавливаться перед выводом о том, что фактор неявного и личного знания преобладает также и в сфере эксплицитного знания, таким образом, отражая на всех уровнях первичную для человека способность приобретать знание и владеть им. ...Карты, графики, книги, формулы и т.п. предоставляют великолепные возможности для реструктуризации нашего знания с новых точек зрения. И такая реструктуризация, как правило, происходит неявно» (Michael Polanyi, *The Study of Man*, 24, 25). См. также доводы Ротбарда, которым посвящена сноска 84 в главе 6.

тическую информацию из ничего, находить и использовать новые, не замечавшиеся ранее возможности для получения прибыли¹³.

«Информация», хранящаяся в компьютерах, не является «познанной», то есть сознательно усвоенной и интерпретированной человеческими умами, ее нельзя превратить в практическую информацию, значимую с социальной точки зрения. «Информация, сохраненная» на диске компьютера или ином современном носителе информации, идентична «информации», заключенной в книгах, графиках, картах, газетах и журналах, — простых инструментах, используемых действующим человеком в контексте конкретных действий, которые важны для достижения его частных целей. Иными словами, «*хранящаяся информация*» не является «*информацией*» в нашем смысле слова, то есть важным практическим знанием, которое действующий человек знает, интерпретирует и использует в контексте конкретного действия.

Кроме того, компьютер в принципе не в состоянии обрабатывать ту практическую информацию, которая не существует, потому что в ходе предпринимательства ее еще не нашли и

¹³ Как утверждает Хайек, во мнении, что человеческий разум когда-либо будет способен объяснить сам себя и тем более будет способен воспроизвести собственную способность порождать новую информацию, также содержится логическое противоречие. Доказательство Хайека, изложенное нами в сноске 17 к главе 2, состоит в том, что порядок, представляющий собой некоторую категориальную систему, способен объяснить более простой порядок (представляющий собой более простую категориальную систему), но с точки зрения логики невозможно, чтобы он сам мог дать себе объяснение, воспроизвести себя самого или объяснить более сложный порядок. См. Ф. А. Хайек, *The Sensory Order*, 185—188. См. также в книге Роджера Пенроуза, цитировавшейся в сноске 28 предыдущей главы, возражения Пенроуза против возможного создания в будущем искусственного интеллекта. Наконец, даже если в будущем будет успешно создана модель искусственного разума (что нам представляется невозможным по изложенным выше причинам), это будет просто означать создание новых «человеческих умов», которые будут включены в социальный процесс, усложнят его еще больше и еще больше отдалят его от социалистического идеала. (Этим наблюдением я обязан моему доброму другу Луису Рейгу Альбиолу.)

не открыли. Таким образом, для координации процесса социальной корректировки, осуществляемого с помощью приказов, компьютерные системы бесполезны; творческая природа человеческой деятельности — это единственный катализатор, способный активировать и поддерживать этот процесс. Компьютеры могут обрабатывать только ту информацию, которая уже была создана и явным образом сформулирована; несомненно, для действующего субъекта это очень полезный и мощный инструмент, но компьютеры неспособны создавать, открывать или замечать новые возможности извлечения прибыли, а это значит, что они не могут выступать в качестве предпринимателя. Компьютеры — это инструменты, находящиеся в распоряжении действующего субъекта, но они не действуют и никогда не будут действовать. Их можно использовать только для работы с *артикулированной, формализованной и объективной* информацией, а информация, значимая на социальном уровне, по большей части не может быть выражена словами (артикулирована) и всегда носит *субъективный* характер. Следовательно, компьютеры не просто неспособны создавать новую информацию; они в принципе неспособны обрабатывать уже созданную информацию, если она, как информация, порождаемая в ходе социальных процессов, по большей части не может быть выражена словами. Применительно к ситуации, изображенной на рис. II-2 это означает, что даже если *A* и *B* были бы способны формально и детально вербализовать информацию о тех отсутствовавших у них ресурсах, в которых они нуждались, чтобы реализовать свои цели, и даже если бы они каким-то образом могли передать эту информацию в гигантскую и чрезвычайно современную базу данных, то акт, посредством которого человеческий ум (ум *C*) осознает, что ресурс одного можно использовать для достижения целей другого, все равно представлял бы собой предпринимательский акт чистого творчества, субъективный по своей сути, акт, который невозможно приравнять к объективным и формализованным действиям машины. Чтобы компьютер мог работать четко и эффективно, он не только должен сначала получить формализованную информацию — кроме этого, кто-то должен его *запрограммировать*. Иными словами, предварительно необходимо подробно и формально определить условия для совершения действия примерно следующим образом: во всех тех случаях, когда человек обладает определенным количеством ресурса *R*, этот

ресурс будет использоваться человеком, преследующим цель X. Таким образом, очевидно, что *компьютерные системы способны исключительно на то, чтобы применять открытую ранее информацию к конкретным ситуациям*; они в принципе не в состоянии создать новую информацию в отношении тех ситуаций, которые еще не были обнаружены и в которых преобладает создание *ex novo* субъективной, неявной и рассеянной информации, типичной для социальных процессов.

Следовательно, вера в то, что компьютеры сделают социализм возможным, не менее абсурдна, чем вера (в гораздо менее развитых обществах) в то, что изобретение книгопечатания и другие более простые способы сбора и анализа формализованной информации сделают доступным практическое субъективное знание, необходимое для существования общества. Результатом изобретения книг и книгопечатания было как раз обратное: общество стало разнообразнее и его стало сложнее контролировать. Возможно, что проблему социализма можно было бы несколько упростить, исключительно в количественном отношении (но не решить), если бы правящая власть могла использовать максимально современные компьютеры по отношению к обществу, в котором постоянное порождение новой практической информации сведено к минимуму. Этого можно было бы добиться только посредством крайне жесткой системы, насильно препятствующей, насколько это возможно, предпринимательской деятельности, и запрещающей людям использовать компьютеры, машины, калькуляторы, книги и т.п. Только в этом гипотетическом обществе *невежественных рабов* проблема экономического расчета при социализме могла бы выглядеть несколько менее сложной. Тем не менее теоретически эту проблему невозможно было бы решить даже в таких экстремальных обстоятельствах, потому что даже в самых тяжелых условиях у людей сохраняется врожденная творческая способность к предпринимательству¹⁴, которую невозможно контролировать.

¹⁴ Доказательство, которое мы излагаем в тексте, демонстрирует абсурдность веры многих «интеллектуалов», плохо разбирающихся в том, как функционирует общество, в «очевидность» того, что чем сложнее становится общество, тем больше необходимость внешнего институционального принудительного вмешательства. Эта идея возникла у Бенито Муссолини, утверждавшего: «Мы

Наконец, в свете всех вышеизложенных соображений нас не должно удивлять, что именно наиболее квалифицированные компьютерные специалисты и программисты чрезвычайно скептически оценивают возможность использования компьютеров для того, чтобы регулировать и организовывать социальные процессы. Действительно, они не просто ясно понимают, что введенная в машину неточная информация дает результаты, приводящие к умножению ошибок («мусор на входе — мусор на выходе»), но и знают по своему ежедневному опыту, что по мере того как они пытаются создать все более пространственные и сложные программы, им становится все труднее освобождать их от логических ошибок, чтобы обеспечить их работоспособность. Следовательно, запрограммировать социальный процесс такого уровня сложности, чтобы он содержал важнейшие творческие способности человека, невозможно. Кроме того, информатика вовсе не пришла на помощь интервенционистам, как наивно предполагали и надеялись многие «социальные инженеры»; напротив, прогресс компьютерных технологий последних лет во многом связан с освоением знаний и открытий тех специалистов в области экономической теории, которые занимаются стихийными социальными процессами, в особенности — Хайека, чьи идеи сегодня считаются чрезвычайно важными в практическом отношении для развития и повышения эффективности разработки новых компьютерных программ и систем¹⁵.

были первыми, кто сказал, что чем более сложные формы принимает цивилизация, тем более ограниченной становится свобода личности» (цит. по: F. A. Hayek, *The Road to Serfdom*, [Chicago: University of Chicago Press, 1972] [Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2006. С. 65]). Однако, как мы показали, в реальности — и с точки зрения логики, и с точки зрения теории — положение прямо противоположное: по мере роста богатства общества и развития цивилизации социализму становится все труднее. Чем менее развито общество, чем оно примитивнее, и чем больше у правящей власти средств для того, чтобы работать с информацией, тем менее сложной кажется проблема социализма (хотя с логической и теоретической точки зрения он все равно невозможен, если речь идет о людях, то есть о существах, одаренных врожденной творческой способностью к деятельности).

¹⁵ Здесь нам следует упомянуть целую группу «специалистов по информационным технологиям», которые познакомили теоретиков этой области научных знаний с идеями австрийской

6. Другие теоретические последствия социализма

В предшествующих разделах мы показали, что социализм является интеллектуальной ошибкой, вытекающей из *пагубной самонадеянности*¹⁶, из представления о том, что человек достаточно разумен, чтобы организовать жизнь в обществе. В этом разделе мы представим краткий систематический анализ неизбежных последствий, возникающих, когда человек пренебрегает логической невозможностью существования социализма и настаивает на создании институциональной системы принуждения, которая в большей или меньшей степени ограничивает свободу человеческой деятельности.

школы экономики и на практике разработали новую научно-исследовательскую программу под названием «Агорические системы» (термин, производный от греческого слова, обозначающего рынок), в которой подчеркивается ключевое значение теории рыночных процессов в связи с дальнейшим развитием компьютерных технологий. В особенности мы должны отметить Марка Миллера и Кима Эрика Дрекслера из Стэнфордского университета (см. их статью: Mark S. Miller and K. Eric Drexler, “Markets and Computation: Agoric Open Systems” in *The Ecology of Computation*, ed. V. A. Huberman [Amsterdam: North Holland, 1988]). См. также следующую статью (включающую все упомянутые нами источники), кратко излагающую содержание этой программы: Don Lavoie, Howard Baetjer, William Tulloh, “High-tech Hayekians: Some Possible Research Topics in the Economics of Computation” in *Market Process* 8 (spring 1990): 120—146.

¹⁶ Так называется последняя работа Хайека: *Fatal Conceit: The Errors of Socialism, The Collected Works of F. A. Hayek*, ed. W. W. Bartley III (Chicago: University of Chicago Press, 1989) [Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. М.: Новости, 1992]. Сам Хайек в интервью Карлосу Родригесу-Брауну сказал об этой книге, что самым главным для него было показать, как «нагло и самонадеянно считать, что человек знает достаточно, чтобы организовать жизнь в обществе, которая на самом деле есть результат процесса, использующего рассеянную информацию миллионов людей. Думать, что мы в состоянии планировать этот процесс — полнейший абсурд». См.: *Revista de Occidente*, no. 58 (March 1986): 124—135.

Отсутствие координации и социальный беспорядок

а) Мы уже видели, что когда предпринимательская деятельность в той или иной степени затруднена, она перестает выявлять возникающие в обществе ситуации несогласованности. Когда для того, чтобы удерживать людей от использования возможностей для извлечения прибыли, которые создает каждый из случаев несогласованности, используется принуждение, люди даже не видят этих возможностей, и следовательно, они остаются незамеченными. Кроме того, если человек, подвергающийся принуждению, случайно увидит прибыльную возможность, это не имеет значения, потому что институциональное принуждение не позволяет ему действовать, чтобы воспользоваться этой возможностью. Кроме того, невозможно представить, чтобы орган власти, отвечающий за применение институционального принуждения, был в состоянии координировать социальное поведение посредством приказов и указаний. Чтобы делать это, он должен был бы иметь доступ к информации, которую он получить в принципе не может, потому что эта информация рассредоточена по умам всех людей в обществе, и каждый из них имеет эксклюзивный доступ к принадлежащей ему части этой информации.

Следовательно, с теоретической точки зрения первым из последствий любой попытки установить социалистическую систему будет широкое распространение *социальной дискоординации или несогласованности*, характеризующейся систематическими конфликтами между действиями субъектов, которые не будут приспосабливать свое поведение к поведению других и не смогут понять, что они совершают множество систематических ошибок. В результате не будет осуществлено очень большое количество человеческих действий, потому что несогласованность им воспрепятствует. Став типичным явлением, *крушение планов*, или дискоординация, поражает самые основы социальной жизни и проявляется *интратемпорально* и *интертемпорально*. Это означает, что в каждом социальном процессе отсутствие координации проявляется и в текущих действиях, и при согласовании прошлых действий с будущими.

Хайек называет «порядком» любой процесс, в котором множество различных элементов взаимодействуют таким образом, что знание одной части позволяет сформулировать

корректные ожидания относительно целого¹⁷. Это определение демонстрирует, что социализм производит социальный беспорядок; в той степени, в какой он препятствует необходимой корректировке рассогласованных человеческих поступков и даже блокирует ее, он препятствует и возможным человеческим действиям, основанным на обоснованных ожиданиях относительно поведения других, и даже блокирует их, так как социальная рассогласованность, всегда возникающая там, где создаются помехи для свободного проявления предпринимательства, продолжает существовать и остается скрытой от общества. Следовательно, волюнтаристское желание «организовать» общество с помощью распоряжений принудительного характера создает беспорядок, и чем сложнее социальный порядок (в понимании Хайека), тем очевиднее будет нереальность социалистического идеала, потому что более сложный порядок потребует делегирования гораздо большего числа решений и функций, зависящих от обстоятельств, совершенно неизвестных тем, кто стремится контролировать общество.

б) Парадоксальным образом, высокий уровень нарушений социальной координации часто становится предлогом для очередных доз социализма; иными словами, институциональная агрессия, распространяющаяся на новые сферы социальной жизни, становится либо более активной, либо более жесткой, чем раньше. Так обычно происходит из-за того, что руководящий орган, хотя он и не в состоянии заметить конкретные конфликтующие и плохо согласованные друг с другом действия, раньше или позже осознает, что социальный процесс в целом не работает. Опираясь на свою чрезвычайно ограниченную способность оценивать реальность, руководящий орган истолковывает эту ситуацию как логическое следствие «отсутствия сотрудничества» со стороны тех граждан, которые не желают выполнять его приказов; соответственно эти приказы становятся все более резкими, подробными и жесткими. Повышение уровня социализма заражает социальный процесс еще большей дискоординацией или рассогласованностью, что в свою очередь используется для того,

¹⁷ F. A. Hayek, *Rules and Order*, vol. 1 of *Law, Legislation and Liberty*, 2: 35–54 [Хайек. Право, законодательство и свобода. С. 53–72] и José Ortega y Gasset, *Mirabeau o el Politico*, vol. 3 of *Obras Completas* (Madrid: Revista de Occidente, 1947), 603.

чтобы оправдать новые «дозы» социализма и т.д. Итак, мы видим в социализме очень сильную тенденцию к *тоталитаризму*, понимаемому как такой режим, при котором правительство склонно «силовым образом вмешиваться во все сферы жизни»¹⁸. В других случаях этот тоталитарный процесс постепенного роста принуждения сопровождается постоянными *встрясками*, то есть внезапными переменами в политике, резкими изменениями содержания приказов или сферы, на которые они распространяются, или и того, и другого — все это в тщетной надежде, что несистематические «эксперименты» с новыми видами интервенционизма и изменениями его уровня принесут решение неразрешимых задач¹⁹.

в) Принудительные интервенционистские меры, воплощением которых является социализм, обычно оказывают на общество влияние, *обратное* тому, которое планирует правительство. Власть стремится достичь своих целей, направляя приказы в сферы социума, в наибольшей степени связанные с этими целями, но парадоксальным образом оказывается, что эти приказы мешают человеческой деятельности в этих сферах, причем чрезвычайно «успешно». Иными словами, власть сковывает энергию предпринимательства именно там, где она более всего необходима, поскольку без этой энергии в данной сфере невозможна координация и, соответственно, реализация целей правительства. Итак, необходи-

¹⁸ См. второе значение слова *totalitarismo* в Словаре испанского языка Королевской Академии.

¹⁹ Даже такой проницательный исследователь, как Майкл Полани, совершил типичнейшую ошибку, сочтя эти эксперименты с планированием относительно безобидными по той причине, что они не могут дать практических результатов; однако он не заметил того значительного ущерба для социальной координации, к которому приводят попытки внедрить утопические программы социальной инженерии. См.: Michael Polanyi, *The Logic of Liberty*, 111. Те, кто руководит органами принуждения, не в состоянии понять, почему, несмотря на все их усилия, социальная инженерия не работает или работает все хуже — и в итоге они часто впадают в лицемерие или отчаянье, приписывая неблагоприятное развитие событий либо божественному провидению, как сделал граф-герцог Оливарес (см. ниже, сноска 49), либо «отсутствию помощи со стороны гражданского общества и его злонамеренности», как заявил Фелипе Гонсалес в своей речи по случаю Дня Конституции 6 декабря 1991 г. в мадридском Университете Карлоса III.

мый процесс приспособления не запускается и на самом деле его перспектива становится более отдаленной, а вероятность того, что социальный процесс обеспечит достижение желаемых целей, уменьшается. Чем более эффективны приказы, тем сильнее они искажают предпринимательскую деятельность. Приказы не только не содержат необходимой практической информации — они удерживают людей от ее создания, и субъекты экономической деятельности не могут воспринимать их как руководства по обеспечению координации. Теоретики уже давно знакомы с этим саморазрушительным эффектом социализма, известным как «парадокс планирования или парадокс интервенционизма», но они лишь недавно смогли объяснить его в ясных терминах теории предпринимательства²⁰.

²⁰ Возможно, первым, кто обнаружил этот саморазрушительный итог институционального принуждения, был Ойген фон Бём-Баверк в статье: Eugen von Bohm-Bawerk, “Macht oder ökonomisches Gesetz?” *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung* (Vienna) 23 (December 1914): 205—271. В 1931 г. Дж. Р. Мез перевел ее на английский язык: “Control or Economic Law?” in *Shorter Classics of Eugen von Böhm-Bawerk*, vol. 1 (South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1962), 139—199. В частности, на с. 192 английского издания читаем: «...любая ситуация, созданная средствами “власти”, может снова ввести в игру эгоистические мотивы, препятствующие ее стабильности». Позже этой темой занимался Людвиг фон Мизес в работе *Kritik des Interventionism: Untersuchungen zur Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsideologie der Gegenwart* (Jena: Gustav Fischer, 1929) (Mises, *A Critique of Interventionism* (New York: Arlington House Publishers, 1977)). Мизес делает вывод, что «любые типы вмешательства в деятельность рынка не просто не достигают тех целей, которые имели в виду их авторы и сторонники, но приводят к такому положению дел, которое — с точки зрения оценок их авторов и сторонников — менее желательно по сравнению с предыдущим положением дел, изменить которое они были предназначены». Также стоит специально отметить более позднюю работу: M. N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy* (Menlo Park, California: Institute for Humane Studies, 1970) [Ротбард М. Власть и рынок: Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2003. 2-е изд. 2008]. Однако, по нашему мнению, наиболее правильным является подход, который избрал Израэль Кирцнер в блестящей статье: Israel M. Kirzner, “The Perils of Regulation: A Market Process Approach” in Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, 119, 149.

г) Хотя *сдерживающий* эффект, который социализм оказывает на создание практической информации, проявляется во всех социальных сферах, лучше всего он виден, вероятно, в экономике. Во-первых, к примеру, одним из самых типичных проявлений отсутствия координации при социализме является *низкое качество* производимых товаров и услуг — и оно связано как раз с отсутствием у участников социального процесса и членов руководящего органа стимулов к тому, чтобы генерировать информацию и выяснять подлинные желания людей по поводу стандартов качества.

Во-вторых, из-за отсутствия необходимой информации для того, чтобы осуществлять даже приблизительный экономический расчет, в социалистической системе инвестиционные решения и в качественном, и в количественном отношении становятся чисто произвольными. Действительно, в социалистической экономике невозможно знать или оценить альтернативные издержки, и такая проблема возникает даже тогда, когда руководящий орган навязывает свои временные предпочтения всему обществу. Кроме того, отсутствие информации у руководящего органа не позволяет рассчитать даже приблизительно нормы амортизации основного оборудования. Таким образом, социализм вызывает и обеспечивает широкое распространение непроизводительного инвестирования ресурсов и факторов производства, причем это непроизводительное инвестирование к тому же часто носит несколько хаотический циклический характер из-за упомянутых нами в конце предыдущего раздела внезапных изменений в политике.

В-третьих, социализм приводит к острому и всеобщему *дефициту* на всех уровнях общества, в основном потому, что институциональное принуждение уничтожает саму возможность для человеческой предпринимательской изобретательности, характеризующейся колоссальной силой, систематически обнаруживать ситуации дефицита и находить новые, более эффективные способы их устранения. Кроме того, как мы видели, невозможность посчитать экономические издержки приводит к тому, что значительная доля производительных ресурсов тратится на бессмысленные инвестиции, что еще больше усугубляет проблему дефицита²¹. Кроме того, дефи-

²¹ Для обозначения этой особенности социализма — принятия на всех уровнях решений, не ограниченных надлежащим образом со-

циту сопутствует неэффективный избыток некоторых ресурсов, который связан не только с ошибками производства, но и с тем, что экономические субъекты запасаются всеми благами и ресурсами, которые им доступны, так как в условиях систематического дефицита люди не могут полагаться на нормальное предложение товаров, услуг и факторов производства.

Наконец, применительно к труду ошибки в размещении ресурсов особенно серьезны. Трудом систематически злоупотребляют, и это приводит к высокому уровню *безработицы* — в зависимости от конкретного типа социализма, более или менее скрытой. Так или иначе, высокий уровень безработицы является одним из наиболее типичных последствий институционального принуждения по отношению к свободному предпринимательству в социальных процессах, связанных с сектором занятости.

Ошибочная информация и безответственное поведение

Для социализма характерно не только то, что он препятствует созданию информации, но и то, что он запускает процессы,

ображениями издержек, Янош Корнаи придумал термин «мягкие бюджетные ограничения». Хотя этот термин получил некоторое распространение, нам кажется, что он чересчур фокусируется на наиболее очевидных проявлениях этой фундаментальной проблемы (невозможности порождения информации, необходимой для калькуляции издержек, в отсутствие свободного предпринимательства), и что это привело многих исследователей к неправомерному пренебрежению этой проблемой или недостаточному вниманию к ней. См.: János Kornai, *Economics of Shortage* (Amsterdam: North Holland, 1980) [Корнаи Я. Дефицит. М.: Экономика, 1990]. Позже, однако, Корнаи удалось сформулировать свою теорию в терминах предпринимательства, продемонстрировав тем самым, что он наконец полностью понял суть австрийской позиции в отношении планирования. См.: János Kornai, “The Hungarian Reform Process: Visions, Hopes and Reality,” *Journal of Economic Literature* 24 (December 1986), переиздано в: *Visions and Reality: Market and State* (London: Harvester, 1990), 156—157. На эту тему см. также работы Яна Винецкого, особенно: Jan Winiecki, *The Distorted World of Soviet-Type Economics* (London: Routledge, 1988 and 1991) и Idem., *Economic Prospects East and West: A View from the East* (London: CRCE, 1987).

систематически привлекающие и порождающие *ошибочную информацию, тем самым поощряя широкое распространение безответственного поведения.*

а) Нет никаких гарантий, что *руководящий орган*, осуществляющий систематическое принуждение, будет в состоянии распознать конкретные возможности для извлечения прибыли, возникающие в ходе социального процесса. С учетом отсутствия у власти практической информации, значимой для подвергающихся принуждению людей, нам сложно представить себе, что она в состоянии обнаружить существующие ситуации социальной рассогласованности, за исключением небольшого числа отдельных ситуаций или когда это происходит по чистой случайности. Действительно, даже если член руководящего органа случайно обнаруживает рассогласованность, его «находка», вероятнее всего, будет замаскирована или скрыта инерционностью органа принуждения, у которого, за очень небольшим исключением, не будет интереса к тому, чтобы вытаскивать наружу непопулярные проблемы, решение которых обязательно потребует «хлопотных» мер и изменений. В то же время члены органа власти не будут даже осознавать своего глубокого, неустранимого неведения. Следовательно, информация, порожденная с помощью приказов, будет изобиловать ошибками, и в принципиальном отношении будет *безответственной*, потому что члены руководящего органа не могут получить практическую (рассеянную) информацию о тех вариантах, от которых они отказываются, когда решают следовать определенному плану, и, соответственно, они будут не в состоянии учесть истинные издержки и истинную ценность этих альтернатив в процессе принятия решений²².

²² Мы считаем действие «ответственным», когда тот, кто его предпринимает, учитывает издержки, которые он и другие связанные с ним люди несут в результате этого действия. Издержки — это субъективная ценность, которую человек приписывает тому, от чего он отказывается ради своей деятельности, и их может корректно оценить только тот, кто обладает необходимой субъективной и неявной практической информацией о своих личных обстоятельствах и об обстоятельствах тех людей, с которыми он взаимодействует. Если из-за того, что свободное предпринимательство не разрешено (ситуация систематического принуждения) или из-за того, что соответствующие права собственности плохо определены и защищены (ситуация несистематического

б) То, что руководящий орган неизбежно отделен от социального процесса постоянной пеленой неведения, сквозь которую можно различить только наиболее очевидные и заметные детали, всегда заставляет его сосредоточиться на достижении своих целей *экстенсивными* и *волюнтаристскими* методами. «Волюнтаристский» означает то, что орган власти рассчитывает достичь своих целей с помощью воли к принуждению в чистом виде, выраженной в приказах. «Экстенсивный» означает, что для того, чтобы измерить и оценить реализацию этих целей, используются только те параметры, которые легче всего определить, выразить и передать. Иными словами, руководящий орган интересуют исключительно статистические, количественные параметры, которые не учитывают или не могут учесть субъективных и качественных нюансов, являющихся наиболее ценной и важной частью рассеянной по человеческим умам практической информации.

Таким образом, разрастание массива *статистики* и чрезмерная склонность к ее использованию тоже является одной из особенностей социализма, и совершенно неудивительно, что слово «статистика» происходит как раз от термина, обозначающего принцип организации институционального принуждения.

в) Когда систематическое генерирование неверной информации ведет к широкому распространению безответственного поведения, а властный орган принуждения реализует свои цели волюнтаристскими и экстенсивными способами, из этого возникают трагические последствия для окружающей среды. Как правило, уничтожение окружающей среды будет происходить именно в тех географических областях, где больше всего социализма (то есть там, где на свободу предпринимательства наложены наибольшие ограничения), и чем универсальнее и

принуждения), такую практическую информацию нельзя создать или передать, человек *не в состоянии оценить издержки* и склонен действовать безответственно. О концепции ответственности см.: Garret Hardin, "An Operational Analysis of Responsibility" in *Managing the Commons*, ed. Garret Hardin and John Baden (San Francisco: W. H. Freeman, 1977), 67. Типичная для социализма безответственность становится причиной того, что при социалистическом режиме феномен «трагедии общинных выгонов» распространяется на все сферы общества, где он возможен. (См.: M. Rothschild, *Bionomics* [New York: Henry Holt, 1990], ch. 2).

масштабнее вмешательство органа принуждения, тем страшнее будут его последствия для окружающей среды²³.

Эффект разложения

Социализм имеет свойство *разлагать*, или *искажать*, ту энергию предпринимательства, которая проявляется в любой человеческой деятельности. Словарь Королевской Академии испанского языка дает глаголу *corromper* определение «портить, развращать, наносить ущерб, разлагать, растлевать, уничтожать или деформировать»²⁴; кроме того, в словаре специально отмечается, что эта порча относится в основном к социальным институтам, под которыми понимаются шаблоны поведения. Разложение является одним из наиболее типичных и фундаментальных последствий социализма, потому что социализм систематически деформирует процесс, посредством которого в обществе создается и распространяется информация.

а) Во-первых, управляемые или испытывающие принуждение человеческие существа вскоре делают предпринимательское открытие: шансы достичь цели повышаются, если, вместо того, чтобы пытаться находить случаи социальной рас-

²³ Квазирелигиозное почитание статистики восходит к самому Ленину, который писал: «Мы должны понести [статистику] в массы, популяризовать ее, так чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать...» Перевод сделан с работы *Die nächsten Aufgaben der Sowjetmacht* (Berlin, 1918), процитированной Хайеком в: F. A. Hayek, *Collectivist Economic Planning* (Clifton: Augustus M. Kelley, 1975), 128 [Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. С. 192]. О перепроизводстве статистики в результате интервенционизма и о связанных с этим серьезным социальным ущербом, издержками и неэффективностью см.: Stephen Gillespie, «Are Economic Statistics Overproduced?» *Public Choice* 67, no. 3 (December 1990): 227–242. О социализме и его влиянии на окружающую среду см.: T. L. Anderson and D. R. Leal, *Free Market Environmentalism* (San Francisco: Pacific Research Institute for Public Policy, 1991).

²⁴ «Echar a perder, depravar, dañar, pudrir, pervertir, estragar o viciar.» Real Academia Española de la Lengua, Diccionario, s. v. «corromper.»

согласованности и заниматься их координацией, используя предоставляемые ими возможности для извлечения прибыли, люди посвятят свое время, усилия и свойственную им смекалку тому, чтобы повлиять на процесс принятия решений органом власти. Таким образом, впечатляющий запас человеческого хитроумия — тем более впечатляющий, чем больше социализма — будет тратиться на придумывание все более и более действенных способов оказать влияние на орган власти в реальной или иллюзорной надежде получить преимущества для себя. Следовательно, социализм не просто мешает каждому из членов общества научиться подстраивать свое поведение под поведение других членов общества — он также создает колоссальный стимул для попыток различных индивидов и групп повлиять на орган власти, чтобы посредством его приказов силой получить персональные привилегии или преимущества за счет остальных членов общества. Соответственно, стихийный и способный к самокоординации социальный процесс искажается и подменяется *процессом борьбы за власть*, в ходе которого систематическое насилие и конфликт различных индивидов и социальных групп, добывающихся власти или влияния, становятся лейтмотивом жизни в обществе. Таким образом, в социалистической системе люди теряют привычку поступать морально (то есть в соответствии с обычаями и принципами); их личности и поведение постепенно меняются, становясь все более и более аморальными (то есть независимыми от принципов) и *агрессивными*²⁵.

²⁵ Вероятно, лучше всех коррумпирующий эффект социализма описал Ганс-Герман Хоппе: «Перераспределение шансов на приобретение дохода должно приводить к тому, что все больше людей начинают использовать агрессию для достижения личного удовлетворения и/или к тому, что все больше людей становятся агрессивными, то есть переключаются с неагрессивных ролей на агрессивные, что постепенно приводит к личностным изменениям; эта перемена в структуре морального характера общества, в свою очередь, приводит к очередному сокращению уровня инвестиций в человеческий капитал». См.: Хоппе Н.-Н., *A Theory of Socialism and Capitalism* (London: Kluwer Academic Publishers, 1989), 16—17. См. также мою статью: “El Fracaso del Estado Social,” in *ABC* (April 8, 1991): 102—103. Другой признак разлагающего влияния социализма — это общий рост «социального спроса» на принудительные распоряжения государства и государственное регулирование, возникающий из комбинации следующих факто-

б) Во-вторых, мы сталкиваемся с другим проявлением разлагающего эффекта социализма, когда те группы людей, которые не смогли завладеть властью, вынуждены тратить большую часть своего предпринимательского хитроумия и своей предпринимательской активности на попытки смягчить последствия особенно жестких и разрушительных для них приказов или избежать их, наделяя привилегиями, преимуществами, а также некоторыми благами и услугами тех людей, которые отвечают за исполнение и контроль этих приказов. Такое искажение носит защитный характер, так как оно действует как «предохранительный клапан», позволяя несколько смягчить тот ущерб, который социализм приносит обществу. Оно может иметь позитивные последствия, обеспечивая людям возможность поддерживать некоторые минимальные согласованные социальные связи даже в условиях самой радикальной социалистической агрессии. В любом случае, как ясно показывает Кирцнер, искажение, или деформация, предпринимательства всегда остается *поверхностным и избыточным*²⁶.

ров: 1) желания каждой отдельной группы интересов добиться привилегий за счет остальных членов общества; 2) абсурдной и наивной веры в то, что усиление регулирования сможет уменьшить всеобщую, господствующую повсюду правовую неопределенность, связанную с ростом и запутанностью паутины противоречащих друг другу законодательных актов; и 3) деградацией понятия о личной ответственности, что субъективно и бессознательно усиливает покорность государственному патернализму и чувство зависимости от властей.

²⁶ См.: Israel M. Kirzner, "The Perils of Regulation: A Market Process Approach" in *Discovery and the Capitalist Process*, 144, 145. При социалистическом режиме *связи (блат)* являются жизненной необходимостью — и потому, что людям нужно влиять на орган принуждения, одновременно, по крайней мере внешне, демонстрируя подчинение его приказам, и потому, что власть принимает крайне произвольные и деспотические решения. На практике, чем более интервенционистской является система, тем более необходимым и важным становится блат, и тем больше сфер в жизни общества он затрагивает (это именно те сферы, где уровень вмешательства наиболее высок). Люди полагаются на личные связи в ущерб типичным для свободного мира видам взаимодействия, более абстрактным и безличным, где, соответственно, вопрос знакомства отходит на задний план, подчиняясь главной задаче — реализации собственных целей посредством максимально возможного удовлетворения интересов других людей в том виде,

в) В-третьих, члены руководящего органа, то есть та более или менее организованная группа, которая систематически осуществляет принуждение, тоже будут склонны использовать свои предпринимательские способности и свое хитроумие извращенным образом. Их главной задачей будет *удерживать власть*, оправдывая свою политику принуждения перед остальными членами общества. Детали и конкретные особенности коррупционной активности тех, кто находится у власти, будут зависеть от конкретного типа социализма (тоталитарного, демократического, консервативного, сциентистского и т.п.). В данный момент мы хотим подчеркнуть, что деформированная предпринимательская активность тех, под чьим контролем находится руководящий орган, будет *создавать* ситуации, в которых эта власть сможет расти, распространяться и выглядеть оправданной²⁷. Так, например, те,

как их выявляет рынок. Кроме того, попытки завоевать расположение власти и *сервильность*, которая с этим связана, часто порождают своего рода «стокгольмский синдром», когда у жертвы принуждения поразительным образом возникают «понимание» и чувство товарищества по отношению к тем, кто применяет против нее институциональное принуждение и препятствует ей в свободной реализации ее врожденного творческого потенциала.

²⁷ См.: Thomas J. DiLorenzo, "Competition and Political Entrepreneurship: Austrian Insights into Public Choice Theory" in *The Review of Austrian Economics*, vol. 2, 59—71. Хотя мы считаем вклад школы общественного выбора в анализ проблемы функционирования бюрократии и политических органов, отвечающих за институциональное принуждение, очень существенным, мы согласны с Дилоренцо, что до сих пор серьезной слабостью подхода этой школы была его чрезмерная зависимость от методологии неоклассической экономической теории, то есть использование формальных инструментов, характерных для экономического анализа равновесия, чрезмерно статичного по своей сути, и неспособность полностью признать динамический анализ, основанный на теории предпринимательства. Введение концепции предпринимательства приводит нас к заключению, что принудительная институциональная активность извращена гораздо, гораздо больше, чем традиционно считала школа общественного выбора. Эта школа в целом не обращала внимания на способность руководящего органа, действуя предпринимательно, *создавать* искаженные, разлагающие действия и стратегии, которые являются новыми и более эффективными, чем старые. Изложение главных достижений школы общественного выбора в этой области см.: William Mitchel,

кто находится у власти, будут поощрять возникновение привилегированных групп интересов, поддерживающих власть в обмен на выгоды и привилегии, которые она им предоставляет. Кроме того, любой социалистический режим обычно злоупотребляет политической *пропагандой*, которую он использует для идеализации последствий влияния приказов руководящего органа на социальный процесс, настаивая на том, что отсутствие такого вмешательства приведет к чрезвычайно негативным последствиям для общества. Систематический обман населения, искажение фактов, фабрикация кризисов ради того, чтобы убедить общественное мнение в том, что данная структура власти необходима и ее следует сохранять и укреплять, и т. п. — все это типичные проявления того порочного и разлагающего влияния, которое социализм оказывает на собственные руководящие органы и учреждения²⁸. Кро-

The Anatomy of Government Failures (Los Angeles: International Institute of Economic Research, 1979); J. L. Migué and G. Bélanger, "Toward a General Theory of Managerial Discretion," *Public Choice*, no. 17 (1974): 27–43; William Niskanen, *Bureaucracy and Representative Government* (Chicago: Adine-Atherton Press, 1971); Gordon Tullock, *The Politics of Bureaucracy* (Washington D.C.: Public Affairs Press, 1965); см. также первопроходческий труд: Ludwig von Mises, *Bureaucracy* (New Rochelle, New York: Arlington House, 1969) [Мизес Л. фон. Бюрократия. Челябинск: Социум, 2006]. Я кратко пересказал упомянутые источники в своей статье: "Derechos de propiedad y gestión privada de los recursos de la naturaleza," *Cuadernos del Pensamiento Liberal* (Madrid: Unión Editorial), no. 2 (March 1986): 13–30, переиздано в: Huerta de Soto, *Estudios de Economía Política* (Madrid: Unión Editorial, 1994), 229–249.

²⁸ Именно потому, что социализм порождает коррупцию и аморальность, к власти при нем обычно будут приходиться самые коррумпированные, аморальные и беспринципные личности, то есть те, кто имеет самый большой опыт нарушения закона, применения насилия и успешного обмана людей. История неоднократно подтверждала этот принцип в самых разных обстоятельствах, и в 1944 г. Хайек подробно проанализировал его в 10 главе («Почему к власти приходят худшие?») «Дороги к рабству»: F. A. Hayek, *The Road to Serfdom* (Chicago: The University of Chicago Press, 1972 edition), 134–152 [Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2006. С. 141–155]; испанский перевод Хосе Вергары, *Camino de Servidumbre*, Libros de Bolsillo, no. 676 (Madrid: Alianza Editorial, 1978). Название

ме того, эти проявления будут общими и для высших властей, принимающих решения и отвечающих за институциональную агрессию, и для промежуточных *бюрократических* органов, необходимых для того, чтобы издавать приказы и следить за их выполнением. Эти вспомогательные бюрократические организации обычно имеют тенденцию расширяться, искать поддержку групп интересов и создавать искусственную потребность в собственном существовании, преувеличивая «благотворные» результаты своего вмешательства и систематически скрывая его негативные эффекты.

Наконец, становится очевидным *мегаломаниакальный* характер социализма. Бюрократические организации не просто склонны к неограниченному расширению — те, кто контролирует их, также инстинктивно пытаются воспроизвести макроструктуры этих организаций в обществе, на которое направлены их действия, и под многочисленными ложными предложениями силовым образом иницируют создание все более крупных подразделений, организаций и фирм. Причин, побуждающих их к этому, две: во-первых, они инстинктивно верят, что такие структуры облегчают контроль за исполнением поступающих сверху приказов; во-вторых, такие структуры дают бюрократическим властям ложное чувство безопасности в отношении настоящих предпринимательских усилий, которые всегда возникают в результате индивидуалистического по своей сути творческого микропроцесса²⁹.

El Camino hacia la Servidumbre («Дорога к рабству», а не «Дорога рабства», как у Вергары) кажется мне более подходящим. Его предложил Валентин Андрес Альварес в своей рецензии 1945 года на книгу Хайека (Valentín Andrés Alvarez, “El Camino hacia la Servidumbre del Profesor Hayek,” *Moneda y Crédito*, no. 13 [June 1945]; переиздано в качестве главы 2 сборника *Libertad Económica y Responsabilidad Social*, выпущенного в честь столетия со дня рождения Валентина Андреса Альвареса. [Madrid: Centro de Publicaciones del Ministerio de Trabajo y Seguridad Social, 1991], 69—86); в атмосфере политической нетерпимости Испании того времени автор чуть было не поплатился за эту рецензию местом профессора в Мадриде.

²⁹ Jean-François Revel, *El estado megalómano* (Madrid: Planeta, 1981). Согласно Камило Хосе Селе, лауреату Нобелевской премии по литературе за 1989 г., «государство порвало с природой; теперь оно выше стран, выше крови, выше языка. Левиафан раскрыл пасть, чтобы пожрать человечество. Тысячи шестеренок

Подпольная, или «теневая», экономика

Другим типичным следствием социализма является то, что он запускает неумолимую социальную реакцию, в ходе которой различные действующие субъекты, насколько им это удастся, систематически не подчиняются приказам руководящего органа, предпринимая действия и вступая во взаимодействия вне той «правильной» рамки, на создание которой направлены приказы. Таким образом, за спинами тех, кого руководящий орган считает «правильными», начинается целый социальный процесс, который показывает до какой степени институциональное принуждение обречено на неудачу в долгосрочной перспективе из-за того, что оно противоречит фундаментальной сути человеческой деятельности. Поэтому часто у власти нет иного выбора, как править, неявно мирясь с «неправильными» социальными процессами, которые существуют рядом с построенными по ее указанию окостеневшими структурами. Соответственно, возникновение скрытой, «теневой», «неправильной», *подпольной экономики* (или общества) представляет собой неотъемлемую черту социализма, которая проявляется во всех без исключения сферах, где есть принуждение, и масштаб этой черты зависит от уровня принуждения. Основные особенности коррупции и подпольной экономики в странах реального социализма и в странах со смешанной экономикой одни и те же. Единственное различие состоит в том, что в странах со смешанной экономикой коррупция и подпольная экономика присутствуют исключительно в тех областях социальной жизни, куда вмешивается государство³⁰.

государства кишат его прислужниками, похожими на червей, они ползают рядом с червями, *выучившими* урок о том, что они должны беречь тело-носителя» (Camilo José Cela, “El Dragón de Leviatán” [лекция в ЮНЕСКО, июль 1990 года] in “Los Intelectuales y el Poder,” *ABC* (Madrid), 10 July 1990, pp. 4, 5).

³⁰ Теория теневой экономики и обзор важнейших источников по этой теме блестяще изложены в книгах: *La Economía Irregular* (Barcelona: Generalitat de Catalunya, 1983) и Joaquín Trigo Pórtela, Carmen Vázquez Arango, *Barreras a la Creación de Empresas y Economía Irregular* (Madrid: Instituto de Estudios Económicos, 1988). Потрясающую иллюстрацию нашего тезиса применительно к конкретному случаю Перу можно найти в: Hernando

Отставание в социальном (экономическом, технологическом, культурном) развитии

а) Социализм заведомо предполагает атаку на человеческую способность к творчеству и, соответственно, на общество и на развитие цивилизации. Действительно, в той степени, в какой свободная человеческая деятельность насильно ограничена приказами, люди не могут создавать и находить новую информацию, что блокирует развитие цивилизации. Иными словами, социализм подразумевает систематическое воздвижение барьеров на пути свободного взаимодействия людей, и эти барьеры останавливают развитие общества. Этот эффект ощущается во всех областях развития общества, а не только в экономике. Одной из наиболее характерных особенностей социалистической системы является *сопротивление новшествам* и низкие темпы внедрения современных технологических инноваций; вследствие этого социалистические режимы всегда отстают от своих конкурентов в сфере развития и практического применения новых технологий³¹. Это происходит несмотря на то, что социалисты, в свойственной им экстенсивной и волюнтаристской манере, стремятся форсировать технологическое развитие общества, отдавая приказы и создавая претенциозные институты и советы по научным исследованиям и планированию будущего развития новых технологий. Однако само создание таких бюрократических учреждений для развития инноваций представляет собой очевидное и однозначное доказательство того, что в системе заблокирована возможность научного и технологического развития. Дело в том, что *невозможно запланировать будущее развитие знания*,

de Soto, *El Otro Sendero: La Revolución Informal* (Mexico: Editorial Diana, 1987) [Сото Э. де. Иной путь. Челябинск: Социум, 2008].

³¹ В.А. Найшуль отметил, что социалистическая система враждебна изменениям и инновациям еще и в силу глубокой и радикальной дезорганизации, которую инновации вносят в ригидную структуру экономики. См.: “The Birthmarks of Developed Socialism,” («Родимые пятна развитого социализма») глава 5 книги V. A. Naishul, *The Supreme and Last Stage of Socialism* (London: CRCE, 1991), 26–29, esp. p. 28, “Hostility to Change”. [Найшуль В. А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991].

если оно еще не было создано и к тому же может возникнуть исключительно при условии предпринимательской свободы, которую нельзя учредить приказом.

б) Эти замечания относятся к любой сфере, где происходит стихийное и постоянное социальное развитие или эволюция. В частности, мы имеем в виду культуру, искусство и язык, а в общем — все сферы, где имеет значение стихийная эволюция и свободное развитие социальных обычаев и привычек. *Культура* — это просто стихийный итог социального процесса, в ходе которого взаимодействует множество людей, и каждый из них вносит в нее небольшой вклад своим личным опытом, воображением и творчеством. Если власти применяют к этому процессу систематическое принуждение, они калечат и расстраивают его, если не останавливают совсем. (И снова власть будет стремиться выглядеть инициатором импульсов культурного развития, учреждая всевозможные агентства, министерства, советы и комиссии, и поручая им поддерживать и «стимулировать» «развитие» культуры с помощью приказов³².)

в) Эволюция и развитие новых социальных привычек также чрезвычайно важны потому, что они учат людей, как вести себя по отношению к возникающим в процессе социального развития новым обстоятельствам, товарам, услугам и пр. Нет ничего более трагического, чем общество, стагнирующее из-за институциональной агрессии против взаимодействия между его членами, то есть из-за насилия, которое препятствует процессу обучения, необходимому для реакции на новые обстоятельства и максимально эффективного использования новых, постоянно возникающих возможностей³³.

³² Перу Жака Гарелло принадлежит блестящий анализ негативного влияния социализма на культуру, в частности, во Франции. См.: Jacques Garello, "Cultural Protectionism" (статья была представлена на региональной конференции Общества Мон-Пелерен, состоявшейся в Париже в 1984 г.).

³³ Примером, наглядно иллюстрирующим наше утверждение, является негативное влияние, которое систематическая агрессия властей против производства, распространения и потребления наркотиков оказывает на социальный процесс, в ходе которого люди учатся, как вести себя по отношению к наркотикам. Действительно, многие наркотики вызывали в прошлом меньшую агрессию властей, и в результате, с помощью процесса корректировки, который вызывает предпринимательская деятельность,

*Деградация традиционных представлений
о законе и порядке. Моральный распад,
порождаемый социализмом*

а) В предыдущей главе мы увидели, как возможность существования социального процесса, приводимого в движение энергией предпринимательства, обеспечивается набором традиционных правил, которые, как и многое другое, возникают из предпринимательства. Эти поведенческие привычки составляют субстанцию, или содержание, частного договорного и уголовного права, при том, что их никто намеренно не проектировал. Они представляют собой эволюционные институты, возникшие в результате накопления практической информации, которую вкладывало в них огромное множество людей в течение очень длительного периода времени. С этой точки зрения, право (закон) состоит из ряда материально-правовых законов и норм, которые носят *общий* (в равной степени распространяются на всех) и *абстрактный* (устанавливают лишь общую рамку для поведения человека, не задавая никакого конкретного результата для социального процесса) характер.

Поскольку социализм основан на институционализированной, систематической агрессии (в виде *принудительных распоряжений или приказов*) против человеческой деятельности, он приводит к исчезновению описанного выше традиционного понятия закона и его замене подложным «законом», составленным из массы административных распоряжений, инструкций и приказов, подробно устанавливающих, как именно должен вести себя каждый человек. Таким образом, по мере того как социализм распространяется и развивается, законы в тра-

общество смогло создать большой объем информации и опыта, научившего людей, как правильно обращаться с этими вещами. Например, во многих обществах так произошло с такими наркотиками, как алкоголь и табак. Однако этот процесс невозможен в отношении веществ, обнаруженных позже, так как они с самого начала стали объектом чрезвычайно жесткой системы принуждения, системы, которая не только полностью провалилась, но и помешала людям в ходе экспериментов с этими веществами научиться тому, как с ними следует обращаться. См.: Guy Sorman, *Esperando a los bárbaros* (Barcelona: Seix Barrai, 1993), 327—337.

диционном смысле перестают быть для людей руководством к действию, и эту роль присваивают себе принудительные распоряжения или приказы, исходящие от органа власти (который может как быть, так и не быть демократически избранным; это значения не имеет). Так область практического применения закона постепенно сводится к тем публичным или теневым сферам жизни, на которые социалистический режим не влияет прямо и глубоко.

Кроме этого, возникает очень важный дополнительный эффект: когда люди теряют мерку, которой является материальное право, их личности начинают меняться в результате того, что они избавляются от привычки приспосабливаться к общим абстрактным нормам; соответственно люди все хуже и хуже усваивают традиционные нормы поведения и все меньше и меньше подчиняются им. На самом деле, учитывая, что в одних случаях для того, чтобы выжить, человеку необходимо уклоняться от выполнения приказов, а в других это означает успех предпринимательства того искаженного и порочного типа, который всегда сопутствует социализму, население в целом начинает оценивать нарушения правил в большей степени как похвальные проявления человеческого хитроумия, достойные подражания и поощрения, чем как покушение на систему норм и угрозу для общества. Следовательно, социализм побуждает людей нарушать закон, лишает закон содержания и калечит его, совершенно дискредитируя в глазах общества; в результате граждане полностью теряют уважение к закону.

б) Деградация понятия закона, о которой мы только что говорили, всегда сопровождается параллельным разложением понятия *справедливости* (в том числе *справедливо суда*) и его применения. *Справедливый суд* в традиционном смысле слова состоит в равном применении к каждому человеку абстрактных материально-правовых норм поведения, составляющих частное и уголовное право. Следовательно, Фемида не зря изображается с повязкой на глазах, потому что юстиция, прежде всего, действительно должна быть слепа, в том смысле, что на применение законов не должны оказывать влияние ни дары богатых, ни слезы бедных³⁴. Поскольку

³⁴ «Не делайте неправды на суде; *не будь лицепрятен к нищему и не угождай лицу великого*; по правде суди ближнего твоего». Лев 19, 15. «За то и Я сделаю вас презренными и униженными перед

социализм систематически извращает традиционное понятие закона, он также модифицирует и традиционное представление о справедливости. Действительно, в социалистической системе «справедливость» по большому счету состоит в произвольном решении руководящего органа, основанном более или менее на эмоциональном впечатлении его членов от конкретного «окончательного результата» социального процесса, который, как они считают, они чувствуют и который дерзко пытаются *организовать* сверху посредством приказов. Таким образом, объектом оценки являются не поступки людей, а субъективно воспринимаемый «результат» этих поступков с точки зрения фиктивной «справедливости», к которой добавляется эпитет «социальная», чтобы сделать ее привлекательнее для тех, кто вынужден ее выносить³⁵. С точки

всем народом, так как вы... лицеприяствуете в делах закона». Мал 2, 9.

³⁵ Слово «социальный» полностью меняет значение любого термина, к которому его прибавляют (справедливости, защиты, демократии и т.п.). Другие прилагательные, которые используются для того, чтобы замаскировать действительность и приукрасить ее, это, к примеру, «народный» (часто употребляется с существительным «демократия») или «естественный». Американцы употребляют выражение *weasel words* (обтекаемые фразы), когда говорят о словах, которые используются для семантического обмана граждан, поскольку позволяют смело употреблять нравящиеся людям слова (например, «справедливость» и «демократия») в значении, прямо противоречащим их стандартному смыслу. Термин *weasel word* (горностаевое слово) восходит к известным строкам Шекспира, отсылающим к способности мелких хищников семейства куньих (в том числе ласки и горностая) высасывать содержимое яйца, не повреждая скорлупы. (“I can suck melancholy out of a song, as a weasel sucks eggs.” *As You Like It, The Riverside Shakespeare* [Boston: Houghton Mifflin, 1974], 2.5.11, p. 379. [В русском переводе «Как вам это понравится», сделанном Т. Щепкиной-Куперник, по крайней мере в последних изданиях, вместо горностая (или ласки) почему-то фигурирует ласточка: «Я умею высасывать меланхолию из песен, как ласточка высасывает яйца». — *Перев.*) Подробнее об этом см. гл. 7 книги Хайека «Пагубная самонадеянность». Другой термин, подвергшийся порче, это *солидарность* — в наши дни его используют как алиби для государственного насилия, которое считается оправданным, если применяется якобы ради «помощи» угнетенным. Однако тра-

зрения традиционной справедливости, *нет ничего несправедливее, чем социальная «справедливость»*, ведь она основана на мнении, впечатлении или оценке «результатов» социальных процессов и не зависит от конкретного поведения каждого человека с точки зрения традиционного закона³⁶. Роль судьи в традиционном праве — чисто интеллектуальная: он не должен поддаваться своим эмоциям или собственному мнению о том, какое влияние приговор окажет на обе стороны процесса. Если, как это происходит при социализме, беспристрастное применение закона затруднено, а принятие юридических решений,

диционно «солидарность» означала нечто совсем иное: взаимодействие людей, возникающее в ходе стихийного социального процесса, мотором которого выступает предпринимательство. Слово «солидарность» происходит от латинского *solidare* (спасть или объединить) и, согласно Словарю Королевской Академии испанского языка, означает «обусловленное обстоятельствами присоединение к предприятию, инициаторы которого — другие люди». Таким образом, рынок в нашем определении представляет собой квинтэссенциальный механизм солидарности или же систему солидарности людей. В этом смысле, нет ничего более противоположного солидарности, чем попытка насильно ввести сверху некие принципы «солидарности», столь же близорукие, сколь и ангажированные. Кроме того, проблема перманентного неведения регулирующих органов неизбежно затрагивает и тех, кто понимает солидарность строго как помощь нуждающимся; эта помощь будет неэффективной и ненужной, если ее будет оказывать государство, а не отдельные люди, заинтересованные в том, чтобы добровольно помогать другим. Нам очень приятно, что Иоанн Павел II в энциклике *Centesimus Annus*, не просто говорит, что рынок «образует длинную цепь *солидарности*» (гл. 4, разд. 43: 3 [в русском переводе употреблено слово «соратничество». — *Перев.*]), но и утверждает, что «нужду лучше распознает и удовлетворит тот, кто ближе к ней и действует как ближний», а также выступает с критикой «государства социальной помощи»: «Вмешиваясь прямо и лишая общество ответственности, государство социальной помощи приводит к тому, что люди работают хуже, зато расходы страшно растут, и все больше учреждений, где царит скорее бюрократия, чем забота о человеке». (гл. 5, разд. 48: 5).

³⁶ Лучшая критика ложного понятия социальной справедливости принадлежит Хайеку. См.: F. A. Hayek, *The Mirage of Social Justice*, vol. 2 of *Law, Legislation and Liberty* [Хайек Ф. Мираж социальной справедливости // Хайек. Право, законодательство и свобода. С. 165—318].

основанных на более или менее субъективных эмоциональных впечатлениях, разрешено, то вся определенность закона исчезает, и вскоре люди начинают понимать, что достаточно произвести благоприятное впечатление на судью, чтобы получить юридическую защиту любого своего желания. Соответственно, создается очень сильный стимул для судебных тяжб, и в сочетании с хаосом, который производит куча все более путаных и противоречивых приказов, это перегружает судей до такой степени, что их работа становится все более тяжелой и неэффективной. И так продолжается этот процесс прогрессирующего распада; он прекращается только с исчезновением юстиции в традиционном смысле и превращением судей в обыкновенных бюрократов на службе у властей, которые контролируют исполнение отдаваемых ими приказов. На следующих страницах представлена систематическая таблица, где мы перечисляем наиболее значимые различия между стихийным процессом, основанным на предпринимательстве и свободном взаимодействии людей, и системой организации, основанной на институциональном принуждении (социализмом). В таблице мы отмечаем противоположный эффект, который они оказывают на концепции и практику права и справедливости.

в) Другая типичная черта социализма — это утрата привычки приспособлять свое поведение к общим стандартам, сформировавшимся в результате традиции, к стандартам, чья ключевая роль в социуме не может быть до конца понята ни одним отдельным человеком. Мораль ослабевает на всех уровнях и даже исчезает, ее заменяет отражение мистического подхода руководящего органа к социальной организации, и этот мистицизм склонен воспроизводиться на уровне поведения каждого человека. Таким образом, в сфере достижения целей типичная для социализма склонность выдавать желаемое за действительное господствует и на уровне отдельного индивида; персональные цели человека обычно бывают продиктованы капризом и реализуются посредством «приказов», которые отдают ему его желания и инстинкты, а не вытекают из человеческого взаимодействия в рамках, установленных законом и моралью.

Выдающимся примером морального распада, порождаемого социализмом, был лорд Кейнс, один из главных вдохновителей систематического принуждения и интервенционизма в денежной и фискальной сфере. Кейнс объяснял свою «мораль-

ную» позицию следующим образом: «Мы совершенно отказывались признавать своим личным долгом подчинение общепринятым правилам поведения, считая, что у нас есть право самостоятельно, сообразуясь с обстоятельствами, принимать решение в каждом отдельном случае, а также что нам хватает мудрости, опыта и самоконтроля, чтобы действовать успешно. Это было очень важной частью наших убеждений, которую мы защищали яростно и агрессивно, и для внешнего мира это было нашей самой заметной и опасной чертой. Мы полностью отвергли традиционные моральные нормы, обычаи и традиционный здравый смысл. Иными словами, мы были имморалистами в самом строгом смысле этого слова... Мы не признавали никаких моральных обязательств, не признавали обязанности приспособиться или подчиниться... Что касается меня, поздно уже что-либо менять, я был и навсегда останусь имморалистом»³⁷.

Итак, социализм выглядит одновременно и как естественный продукт ложного, преувеличенного рационализма, так называемого «Просвещения», и как результат проявления самых низких и наиболее атавистических инстинктов и страстей человека. Действительно, веря в неограниченные возможности человеческого разума, наивные рационалисты, подобно Кейнсу, Руссо и огромному числу других, бунтуют против тех институтов, обычаев и моделей поведения, которые делают возможным социальный порядок, по определению не могут быть полностью рационализированы и безответственно именуются подавляющими и угнетающими социальными традициями. Парадоксальным результатом такого «обожествления» человеческого разума становятся уничтожение моральных принципов, правил и норм поведения, которые позволяли цивилизации развиваться, и неизбежное возвращение человека, который нуждается в этих жизненно важных ориентирах и нормах, в плен наиболее атавистических и примитивных страстей³⁸.

³⁷ См. цитату на с. 25 и 26 1-го тома сочинения Хайека: Ф. А. Хайек, *Law, Legislation and Liberty* [Хайек. Право, законодательство и свобода. С. 44], где цитируется книга John Maynard Keynes, *Two Memoirs* (London, 1949), 97–98. См. также: Robert Skidelsky, *John Maynard Keynes: Hopes Betrayed, 1883–1920* (London: Macmillan, 1983), 142–143.

³⁸ См.: Ф. А. Хайек, *The Fatal Conceit*, chap. 1 [Хайек. Пагубная самонадеянность. Гл. 1].

ТАБЛИЦА III-1

<p>Стихийный СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС основанный на предпринимательстве (свободное социальное взаимодействие)</p>	<p>СОЦИАЛИЗМ (систематическая институциональная агрессия против предпринимательства и человеческой деятельности)</p>
<p>1) Социальная координация происходит стихийно, благодаря предпринимательству, постоянно находящему и устраняющему случаи социальной рассогласованности, так как они воспринимаются как возможности для извлечения прибыли. (Стихийный порядок)</p>	<p>1) Делаются попытки навязать социальную координацию сверху посредством принудительных указаний, приказов и инструкций, которые исходят от властей. (Организованная иерархия — от hieras, священный, и archein, править)</p>
<p>2) Главный персонаж в процессе — человек, который действует и осуществляет творческое предпринимательство.</p>	<p>2) Главный персонаж — лидер (демократический или нет) и государственный чиновник (тот, кто действует в соответствии с административными указаниями и инструкциями, исходящими от властей)</p>
<p>3) Социальное взаимодействие основано на договоре, участники которого обмениваются товарами и услугами согласно нормам материального права. (Закон)</p>	<p>3) Социальное взаимодействие основано на господстве; некоторые люди приказывают, а остальные — подчиняются. При «социальной демократии» «большинство» подавляет «меньшинство».</p>
<p>4) Господствует традиционная, материально-правовая концепция закона, понимаемого как абстрактное, общее правило, которое применяется в равной степени ко всем вне зависимости от конкретных обстоятельств.</p>	<p>4) Господствуют приказы и инструкции, которые, несмотря на то, что они выглядят как формальные законы, представляют собой специфические, конкретные директивы, приказывающие людям делать конкретные вещи в конкретных обстоятельствах и не распространяются в равной степени на всех.</p>
<p>5) Законы и институты, делающие возможным социальный процесс, не были созданы сознательно, а эволюционировали из обычаев; они включают огромный объем практического опыта и информации, аккумулировавшихся на протяжении многих поколений.</p>	<p>5) Приказы и инструкции сознательно издаются органами власти; они крайне несовершенны и ненадежны в силу неустраняемого неведения властей в отношении общества.</p>

<p>6) Стихийный процесс делает возможным социальный мир, поскольку каждый человек использует в рамках закона преимущества своих практических знаний и стремится достичь своих собственных частных целей с помощью мирного сотрудничества с другими, а также стихийно приспособлявая свое поведение к поведению других людей, преследующих свои собственные цели.</p>	<p>6) Одна цель (один набор целей) должен господствовать и навязывается всем посредством системы приказов. Это приводит к неразрешимому, бесконечному социальному конфликту и насилию, которые препятствуют социальному миру.</p>
<p>7) Свобода понимается как отсутствие принуждения и агрессии (институциональной и несистематической).</p>	<p>7) «Свобода» понимается как способность достигать конкретных, желанных в данный момент целей (посредством простого акта воли, приказа или каприза).</p>
<p>8) Доминирует традиционная концепция справедливости, а значит, закон в материально-правовой форме применяется в равной степени ко всем, вне зависимости от конкретных результатов социального процесса. Единственное гарантированное равенство — это равенство перед законом; его обеспечивает система юстиции, слепая к конкретным различиям между людьми.</p>	<p>8) Доминирует ложное чувство «справедливости результата» или «социальной справедливости», иными словами, равенства результатов социального процесса, вне зависимости от поступков (вне зависимости от их правильности с точки зрения традиционного права) его участников.</p>
<p>9) Господствуют абстрактные, экономические и коммерческие отношения. Ложные концепции «лояльности», «солидарности» и «иерархии» не играют никакой роли. Каждый человек контролирует собственное поведение, основываясь на материально-правовых нормах, и является участником всеобщего социального порядка, где нет ни «друзей», ни «врагов», ни «ближних», «ни дальних» — есть только множество людей, с большинством из которых он незнаком и с которыми он ко взаимному удовлетворению взаимодействует, используя все более и более масштабные и сложные средства (истинное значение слова «солидарность»)</p>	<p>9) В социальной жизни преобладает политическое, а основные связи носят «племенной» характер: а) лояльность к группе и вождю; б) уважение к иерархии; в) помощь знакомым «собратьям» и забывчивость или даже презрение по отношению к «другим», более или менее незнакомым людям, которые являются членами других «племен»; им не доверяют и считают их «врагами» (ложное и близорукое представление о солидарности)</p>

Социализм как «опиум народа»

Наконец, у социализма есть системный эффект, состоящий в том, что он препятствует гражданам обнаружить те негативные последствия, к которым он приводит. В силу самой своей приро-

ды социализм мешает появлению значимой информации, необходимой для того, чтобы подвергнуть его критике или устранить. Когда людей насильственно удерживают от свободной творческой деятельности, *они даже не понимают, какие возможности для творчества теряют в пронизанной принуждением институциональной среде, в которую погружены их жизни.*

Как утверждает пословица: «С глаз долой — из сердца вон»³⁹. Таким образом, возникает нечто вроде миража, побуждающего некоторых людей отождествлять орган принуждения с теми благами и услугами, которые считаются самыми важными для жизни и которые предоставляет этот орган. В умы людей даже не закрадывается мысль о том, что несовершенный результат, достигнутый посредством приказов, мог бы быть куда более творческим, успешным и высоким, если бы был итогом свободной, предпринимательской человеческой деятельности. В результате распространяются самодовольство, цинизм и пассивность. Только подпольная экономика и информация о том, что происходит при других, относительно менее социалистических системах правления, способны запустить механизмы гражданского сопротивления, необходимые для демонтажа — посредством социального развития или революции — организованной институциональной системы принуждения, направленной против людей. Кроме того, социализм, как любой наркотик, вызывает «зависимость» и симптомы «ригидности»; как мы видели, власти стремятся оправдать увеличение дозы принуждения, и для людей, которые впали в зависимость от нее, система делает возвращение к предпринимательским обычаям и моделям поведения, не основанным на принуждении, очень мучительным и тяжелым⁴⁰.

³⁹ [Ojos que no ven, corazón que no siente; чего глаза не видят, о том сердце не болит]. Мигель Сервантес («Дон Кихот», гл. 67) использует форму “Ojos que no ven, corazón que no quiebra” (чего глаза не видят, от того сердце не разобьется); имеется также вариант “Ojos que no ven, corazón que no llora” (чего глаза не видят, по тому сердце не плачет). (См. pp. 327—328, *Diccionario de Refranes*, Juana G. Campos, Ana Barella, Приложение 30 к: *Boletín de la Real Academia Española*, Madrid, 1975.)

⁴⁰ С этой точки зрения, при «социальной демократии» ситуация еще тяжелее — если такое возможно — чем при «реальном социализме», потому что там примеров и альтернатив, которые

Заключение: антисоциальная сущность природы социализма

Если вспомнить определение «общества», которое мы дали в конце прошлой главы, становится очевидно, что нет ничего более антисоциального, чем социализм. Наш теоретический анализ выявил, каким образом в *моральной сфере* социализм разрушает принципы, то есть нормы поведения, которые необходимы для поддержания ткани общества, дискредитируя закон (при этом происходит подмена этого понятия) и поощряя его нарушения, а также избавляясь от справедливости (включая систему правосудия) в ее традиционном смысле. В *политической сфере* социализм неизбежно скатывается к тоталитаризму, поскольку систематическое принуждение имеет тенденцию проникать во все уголки и закоулки общества, уничтожая свободу и личную ответственность. В *материальном отношении* социализм серьезно препятствует производству товаров и услуг, затрудняя таким образом экономическое развитие. В культурном отношении социализм сковывает творческие возможности, мешая развитию и усвоению новых моделей поведения и вмешиваясь в процесс открытия и введения в оборот культурных новаций. В сфере науки социализм представляет собой интеллектуальное заблуждение, вытекающее из веры в неограниченные возможности человеческого разума, и, следовательно, в то, что возможно получить информацию, необходимую для улучшения общества, путем принуждения⁴¹. Итак, социализм является по сути античе-

могли бы открыть глаза гражданам, практически не существует, а возможности скрывать негативные последствия демократического социализма посредством демагогии и рационализации постфактум почти безграничны. Таким образом, в наши дни, когда «рай» реального социализма утрачен, подлинный «опиум народа» — это социальная демократия. По этому поводу см. с. 26—27 моего предисловия к испанскому изданию первого тома собрания сочинений Хайека: *Obras Completas de F. A. Hayek (La Fatal Arrogancia. Los Errores del Socialismo, obra citada)*.

⁴¹ Сам Хайек по этому поводу писал: «В моральном отношении социализм может лишь разрушить фундамент морали, личной свободы и ответственности. В политическом отношении он рано или поздно приводит к тоталитарному правлению. В материаль-

ловеческим и антисоциальным, так как он основан на систематическом принуждении, направленном против самого сокровенного, что есть у человека: его способности к свободной и творческой деятельности.

7. Различные типы социализма

После того, как мы дали теоретическое определение социализма, объяснили, почему эта система представляет собой интеллектуальное заблуждение и рассмотрели его теоретические последствия, обратимся к истории наиболее известных случаев социализма. Сначала мы намерены установить связь между нашим теоретическим анализом и реальным миром, используя наш анализ для интерпретации основных отличительных особенностей каждого из типов социализма. Все примеры, о которых мы будем упоминать, объединяет то, что они относятся к социалистическим системам, иными словами, к режимам, основанным на систематической институциональной агрессии против свободного предпринимательства. Как мы увидим, различия между ними связаны с их общими ориентирами и целями, и, в особенности, с масштабом и уровнем использования институциональной агрессии.

Реальный социализм, или экономики советского типа

Эту систему характеризует высокий уровень и значительный масштаб институциональной агрессии против человеческой деятельности отдельных людей и, в особенности, то, что эта агрессия всегда выражается (как минимум) в попытках заблокировать свободу предпринимательства в отношении экономических благ высшего порядка, то есть материальных факторов производства. Любые материальные факторы производства (капитальные блага и природные ресур-

ном отношении он, если и не становится причиной обнищания, будет серьезно мешать производству богатства». См.: Ф. А. Хайек, "Socialism and Science" in *New Studies In Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas* (London: Routledge, 1978), 304.

сы) — это экономические блага, которые не удовлетворяют прямо человеческие нужды и требуют вмешательства других производственных факторов, в особенности, труда, для того, чтобы посредством процесса производства, который всегда занимает какое-то время, были произведены потребительские блага и услуги. С точки зрения теории человеческой деятельности, любые материальные факторы производства, или экономические блага высшего порядка, относятся к *промежуточным* — в субъективном восприятии человека — этапам, составляющим процесс деятельности до его окончательного завершения. Таким образом, теперь мы в состоянии оценить то мощное влияние, которое будет иметь институциональная агрессия, если она распространяется на факторы производства; такая агрессия в большей или меньшей степени окажет фундаментальное влияние на все действия людей. Такой тип социализма долго считался социализмом в наиболее чистом виде. Он также известен под названием «*реальный социализм*» — и, действительно, для многих незнакомых с динамической теорией предпринимательства теоретиков и мыслителей это единственный тип социализма, существующий в реальности.

Что касается его *мотивов*, то реальный социализм обычно стремится, причем чрезвычайно страстно, не только «освободить человечество от цепей», но и достичь *равенства результатов*, что считается воплощением идеала «справедливости». Было бы весьма интересно провести тщательное исследование развития и основных особенностей этого типа социализма, который сейчас находится в состоянии ярко выраженного упадка.

Демократический социализм, или социальная демократия

В наши дни это самая популярная разновидность социализма. Исторически она возникла в результате *тактического* отхода от реального социализма и отличается от него тем, что, будучи социальной демократией, предназначается для того, чтобы достичь целей своих приверженцев с помощью традиционных демократических механизмов, которые сформировались в странах Запада. Позже, в основном благодаря развитию социальной

демократии в странах типа Западной Германии⁴², демократические социалисты постепенно отказались от цели «обобществления» средств и факторов производства и перешли к концентрации систематической, или институциональной, агрессии в сфере налогообложения — ради того, чтобы выровнять «социальные возможности» и результаты социального процесса.

Следует отметить, что, вопреки впечатлению, которое этот тип социализма желает произвести на общественное мнение, разница между реальным социализмом и демократическим социализмом непринципиальна; это разница в степени. На самом деле, при социальных демократиях институциональная агрессия достаточно масштабна и проникает весьма глубоко; мы имеем в виду и количество затронутых агрессией социальных сфер и процессов, и уровень реального принуждения, направленного против действий миллионов людей; эти люди — свидетели систематической экспроприации посредством налогов очень значительной доли плодов их предпринимательского творчества; кроме того, с помощью разнообразных приказов и инструкций их принуждают принимать участие в многочисленных действиях, которых они или не предприняли бы добровольно, или выполняли бы по-другому.

Социал-демократы обычно преследуют якобы «благородные» цели, например, «перераспределение» доходов и богатства, «улучшение функционирования» общества. Эта система стремится создать иллюзию, что, поскольку ее главная цель — это воплощение «демократического» идеала, а институциональную агрессию осуществляют на практике демократически избранные «представители», то эта агрессия не является проблемой. Таким образом, эта система скрывает то, что теоретические последствия социализма возникают с неизбежностью, вне зависимости от того, состоит руководящий орган из демократически избранных представителей народа или нет. *Демократические выборы не оказывают влияния на фундаментальную проблему неустранимого неведения, в котором пребывает руководящий орган, отвечающий за принуждение систематического принуждения.* Вне зависимости

⁴² По поводу возникновения и развития социальной демократии в Западной Германии см. проницательные замечания, высказанные Гансом-Германом Хоппе в книге: Hans-Hermann Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism*, chap. 4, esp. pp. 61—64.

от того, является или нет ее источником независимый парламент, агрессия в какой-то степени всегда мешает основанному на творческом предпринимательстве человеческому взаимодействию и тем самым препятствует социальной координации и вызывает все остальные теоретические последствия социализма, которые мы описывали выше.

Следовательно, главное, от чего зависит гармония социальных отношений, — это не «демократический» или недемократический способ их организации, а масштаб и уровень систематического принуждения, направленного против свободного человеческого взаимодействия. Именно поэтому Хайек заявляет, что если так называемый «демократический идеал» означает предоставление избранным представителям полномочий неограниченного институционального вмешательства (агрессии), то он не считает себя демократом. Он отстаивает систему, основанную на ограничении власти государства и недоверии к типичной для государства институциональной агрессии, опирающуюся на ряд взаимно уравнивающих друг друга органов, которые состоят из демократически избранных представителей. Хайек предлагает для такой системы имя «демархия»⁴³.

Наконец, во всех, случаях господства демократического социализма возникает описанный в предыдущем разделе эффект «миража»: поскольку эта система в какой-то степени распространилась по всем странам, где отсутствует реальный социализм, то у граждан нет базы для сравнения, которая могла бы

⁴³ F. A. Hayek, *The Political Order of a Free People*, vol. 3 of *Law, Legislation and Liberty*, 38–40 [Хайек Ф. Общество свободных // Хайек. Право, законодательство и свобода. С. 362–364]. На р. 39 [с. 363] Хайек ясно говорит: «Я, конечно, твердо верю, что правление должно осуществляться согласно принципам, одобренным большинством, и что только такой порядок правления может обеспечить мир и свободу. Но я заявляю вполне откровенно: *если демократия означает неограниченную волю большинства, я — не демократ, а такое правление считаю гибельным, в долгосрочной же перспективе — нежизнеспособным*» (курсив мой. — У. де С.). Далее Хайек объясняет, почему он отвергает термин «демократия», указывая на то, что греческий корень *kratos* восходит к корню *kratein* и связан с идеей «грубого насилия» или «доминирования», несовместимым с демократическим правлением в рамках закона, понимаемого в материальном смысле и равно применимого ко всем («изономия», или равенство перед законом).

открыть им глаза на негативные последствия социал-демократической институциональной агрессии (вмешательства), как это происходит сейчас в странах реального социализма, где наличие возможности для сравнения усиливает движения (революционные и нет), выступающие за демонтаж и реформирование этой системы. Тем не менее благодаря прогрессу как теории⁴⁴, так и практики, простые люди все в большей степени осознают вред, наносимый им социал-демократическим государством-агрессором. (На самом деле крах реального социализма отразился на социальной демократии, несмотря на многочисленные попытки доказать, что это не так.) Во все большем числе обществ перечисленные выше факторы создают тенденции, сейчас уже более или менее оформившиеся, направленные на сокращение масштаба и уровня систематического принуждения, свойственного социальной демократии.

Консервативный, или «правый», социализм

«Консервативным», или «правым», социализмом можно называть такой тип социализма, когда институциональная агрессия используется для сохранения статус-кво и привилегий некоторых групп и лиц. Главная цель «правого» социализма состоит в том, чтобы сохранить все, как есть, не давая свободному предпринимательству и творческой человеческой деятельности разрушить предварительно установленную рамку социальной организации. В достижении этой цели «правые» социалистические системы опираются на систематическую институциональную агрессию, которая применяется всюду, где это им необходимо. В этом отношении консер-

⁴⁴ Конкретно мы имеем в виду главные открытия школы общественного выбора и теорию интервенционизма, выдвинутую австрийской школой. См. комментарии по этому поводу, а также библиографию в сноске 27 к этой статье. Подробный обзор причин, по которым бюрократическое государственное управление обречено на провал, даже когда оно опирается на «демократическое» основание, можно найти в моей статье “Derechos de Propiedad y Gestión Privada de los Recursos de la Naturaleza,” Cuadernos del Pensamiento Liberal (Madrid: Unión Editorial), no. 2 (March 1986): 13–30; переиздано в моей книге Lecturas de Economía Política, vol. 3 (Madrid: Unión Editorial, 1987), 25–43.

вативный и демократический социализм различаются только мотивами и теми конкретными социальными группами, которым они стремятся предоставить привилегии.

Консервативный, или «правый», социализм также характеризуется ярко выраженным *патернализмом*, понимаемым как попытка «подморозить» поведение людей, назначив им те роли в потреблении или производстве, которые считает подобающими консервативный регулирующий орган. Кроме того, при социалистической системе такого типа власти обычно стремятся навязать обществу в приказном порядке определенное поведение, которое они считают моральным или правоверным⁴⁵.

С консервативным, или «правым», социализмом, тесно связан *военный социализм*. Мизес определяет его как социализм, где все институты подчинены целям ведения войны, а шкала ценностей, по которой определяется социальный статус и доход граждан, зависит в первую очередь, или исключительно, от положения человека по отношению к вооруженным силам⁴⁶. *Гильдейский и аграрный социализм* также можно отнести к типу консервативного, или «правого», социализма. В первой из этих систем власти стремятся создать общество, основанное на иерархии специалистов, менеджеров, мастеров, офицеров и рабочих, а во второй — насильственно разделить землю между определенными социальными группами⁴⁷.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что философия консерватизма абсолютно несовместима с новаторством и творчеством; она обращена в прошлое, не доверяет тому, что могли бы

⁴⁵ Лучшее теоретическое объяснение консервативного, или «правого», социализма дал Ганс-Герман Хоппе. См.: Hans-Hermann Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism*, chap. 5.

⁴⁶ Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (Indianapolis: Liberty Press, 1981), 220 (перевод на английский J. Kahane работы *Die Gemeinwirtschaft. Untersuchungen über den Sozialismus* [Jena: Gustav Fischer, 1922]) [Мизес. Социализм: экономический и социологический анализ. С. 161]. Однако Мизес показывает, что военный социализм не может конкурировать на избранном им самим поле боя с обществами, где разрешена творческая предпринимательская деятельность; в качестве примера он упоминает о том, как великая военно-коммунистическая империя инков была уничтожена горсткой испанцев (pp. 222—223 [с. 162—163]).

⁴⁷ О гильдейском и аграрном социализме см. Mises, *Socialism*, 229—232, 236—237 [Мизес. Социализм. С. 167—170; 173].

создать рыночные процессы, оппортунистична по своей сути и лишена принципов, поэтому она обычно рекомендует доверить институциональное принуждение «мудрым и добрым лидерам», следующим в каждом конкретном случае разным критериям. Итак, консерватизм представляет собой обскурантистскую доктрину, которая абсолютно пренебрегает тем, что функционирование социальных процессов происходит за счет энергии предпринимательства, и, в особенности, проблемой неустрашимого неведения, свойственного всем лидерам⁴⁸.

*Социальная инженерия, или сциентистский социализм*⁴⁹

Сциентистский социализм — это тип социализма, предпочитаемый учеными и интеллектуалами, которые считают, что, поскольку они владеют артикулированным знанием и информацией «более высокого порядка», чем та, которая доступна остальным членам общества, они имеют право рекомендовать и направлять систематическое принуждение на уровне общества. Сциентистский социализм особенно опасен тем, что он легитимирует все остальные типы социализма в интеллектуальном отношении и часто сопровождает как демократический социализм, так и типичный для «правого» социализма просвещенный деспотизм. Его происхождение связано с интел-

⁴⁸ F. A. Hayek, “Why I am not Conservative” in *The Constitution of Liberty*, 397–411 [См.: Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2008].

⁴⁹ В Словаре испанского языка Королевской Академии используемое нами слово *cientismo* [сциентизм] отсутствует. Из похожих слов там есть *cientificismo*, пятое значение которого — «склонность придавать излишнюю ценность научным или якобы научным представлениям». Грегорио Мараньон, хотя и употреблял иногда термин *cientismo*, в итоге, кажется, предпочел *cientificismo*, который он называет «карикатурой на науку» и описывает как «чрезмерную демонстрацию отсутствующих научных знаний». В заключение он пишет: «Суть дела в том, что *cientificista* [сциентист] некритически приписывает исключительное догматическое значение собственным обширным познаниям; он пользуется своим положением и репутацией, чтобы вводит в заблуждение своих последователей и слушателей» (курсив мой. — У. де С.). См.: Gregorio Marañón, “La plaga del Cientificismo,” chap. 32

лектуальной традицией *картезианского, или конструктивистского рационализма*, согласно которому разум интеллектуалов способен на все: в частности, именно он сознательно создал или изобрел все социальные институты, и поэтому его вполне достаточно, чтобы менять и планировать их по собственному разумению. Таким образом, приверженцы этого «рационализма» не признают границ для человеческого разума; замороженные колоссальными успехами естественных наук, технологий и инженерии, они пытаются применить их методы к социальной сфере и выработать своего рода *социальную инженерию*, способную организовать общество более «справедливым» и «эффективным» способом.

Главную ошибку интеллектуал-социалист или социальный инженер-сциентист совершает, полагая, что возможно научными средствами организовать централизованное наблюдение, вербализацию, архивирование и анализ той практической информации, которую люди постоянно порождают и передают друг другу в ходе социального процесса. Иными словами, отдельно взятый сциентист считает, что в силу своих «высших» знаний и интеллектуального превосходства над остальными

of *Cajal: su tiempo y el Nuestro*, vol. 7, *Obras Completas* (Madrid: Espasa Calpe, 1971), 360—361. Нам, однако, кажется, что термин *cientismo* точнее, чем *cientificismo*, так как он в большей степени относится к злоупотреблению наукой как таковой, чем к недобросовестной манере *заниматься* наукой. (Слово *científico* происходит от латинского *scientia* — наука, и *facere* — делать.) Кроме того, в английском языке слово *scientism* используется для обозначения некорректного применения методов естественных наук, физики, технологии и инженерного дела к сфере социальных наук. («Утверждение, что методы естественных наук следует использовать для любых исследований, в том числе в области философии, гуманитарных и социальных наук». См.: *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged*, vol. 3 [Chicago: G. & G. Merriam, 1981], 2033). Наконец, Мануэль Секо в своем знаменитом словаре (*Manuel Seco, Diccionario de Dudas y Dificultades de la Lengua Española*, 9th ed. [Madrid: Espasa Calpe, 1990], 96), утверждает, что допустимы слова *ciencismo* и *cientista*, хотя мы считаем, что они хуже, чем *cientismo* и *cientista*, поскольку так же, как и соответствующие выражения в английском и французском языках, вторая пара происходит от латинского *scientia* (а не от испанского *ciencia*).

людьми в обществе он может и должен занимать высшую ступень в социалистической системе управления, и что это дает ему полномочия координировать общество посредством приказов и регулирования⁵⁰.

⁵⁰ Замечательной иллюстрацией такого высокомерия интеллектуала-социалиста может быть легенда, рассказывающая о короле Альфонсо X, которого называли также Альфонсо Мудрым или Альфонсо Образованным. Он был «так дерзок и высокомерен от своего великого знания человеков и причастности тайн природы, что самонадеянно бахвалился, в посрамление провидения и высшей мудрости всемогущего Творца, говоря, что ежели бы Господь просил у него совета, творя мир и все сущее, и он был бы тогда с Господом, то некоторое из сущего вышло бы лучше и совершенней, чем нынче, а иное не было бы сотворено вовсе или было бы поправлено и улучшено». Легенда гласит, что король был наказан ужасным ударом грома, молнией и бурей, от которых крепость Алькасар в Сеговии, где он пребывал со своим двором, загорелась, так что несколько людей погибло, несколько было ранено, а сам король спасся лишь чудом и немедленно покаялся в своей пагубной гордыне. Ужасная гроза, разразившаяся 26 августа 1258 г. и ставшая причиной пожара в сеговийской крепости, во время которого король чуть не погиб — это событие, подтвержденное историческими источниками. См. великолепную биографию Альфонсо X Мудрого, написанную Антонио Баллестеросом Береттой (Antonio Ballesteros Beretta, *Alfonso X El Sabio* [Barcelona: Ediciones “El Albir,” 1984], 209—211). Там мы находим критическую оценку всех версий этой легенды и ее связи с реальными историческими событиями. Хотя легенда носит апокрифический характер, нет сомнений, что сциентистские склонности «мудрого» короля проявились как минимум в жестких правилах, с помощью которых он безуспешно пытался устанавливать и контролировать цены, чтобы помешать их неизбежному и естественному росту, связанному с систематическим обесцениванием денег в результате его собственной денежной политики. Провалилась также попытка Альфонсо заменить традиционные кастильские законы о наследовании «научным» кодексом под названием «Семь партий», который поссорил его с собственным сыном и наследником Санчо и привел страну к гражданской войне, омрачившей последние годы жизни короля. Другая историческая фигура, которая может служить ярким примером краха сциентистского конструктивизма в социальной сфере, — это граф-герцог Оливарес, фаворит короля Филиппа IV, на протяжении большей части царствования Филиппа державший в своих руках судьбы империи. Благие намерения, работоспособность и усилия графа-герцога были столь же неумеренны, сколь тщетны. На самом деле главным недостат-

Картезианский рационализм — это просто ложный рационализм в том отношении, в котором он отказывается признать пределы человеческого разума как такового⁵¹. Он воплощает крайне серьезную интеллектуальную ошибку, значение которой особенно возрастает оттого, что ее носители — это люди, вроде бы получившие самое лучшее интеллектуальное образование, которые, казалось бы, в силу этого должны быть скромнее других в оценке собственных возможностей. Ошибка рационалистов заключается в том, что они полагают, что социальные законы и институты, делающие возможным процесс человеческого взаимодействия, являются результатом сознательных усилий человека. Они не учитывают, что эти институты и законы могут быть итогом эволюционного процесса, в котором на протяжении чрезвычайно долгого времени принимали участие миллионы и миллионы людей: каждый вносил в него свой маленький запас практической информации и опыта, порожденный в ходе социального процесса. Именно поэтому эти институты в принципе не могли возникнуть в результате сознательной и намеренной деятельности человеческого ума, *неспособного вместить всю ту практическую информацию и знания, которые в них содержатся.*

Хайек рассмотрел весь длинный и скучный список ошибок, в которых повинны социалисты сциентистского толка, и свел их к четырем ошибочным идеям: 1) идее о том, что неразумно следовать какому-либо плану действий, если его невозможно

ком графа-герцога было то, что «по своей природе он стремился всюду навести порядок»; поэтому он не смог преодолеть искушения и отказаться от господства во всех сферах социальной жизни. На закате своего правления он сам выразил «глубокое разочарование тем, что любая его попытка поправить дела *производила эффект, прямо противоположный его намерениям*». Однако граф-герцог так и не понял, что таков естественный и неизбежный результат любых попыток силой контролировать и организовывать все общество; поэтому он никогда не считал причиной катастрофического состояния, в котором он оставил Испанию, собственный метод управления, а объяснял его гневом Божиим и моральной развращенностью века сего. См. блестящее исследование: J. H. Elliot, *El Conde-Duque de Olivares* (Barcelona: Edit. Crítica, 1990), esp. 296, 388.

⁵¹ F. A. Hayek, “Kinds of Rationalism” in *Studies in Philosophy, Politics and Economics* (New York: Simon and Schuster, 1967), 82—95.

но обосновать научно или подтвердить путем эмпирических наблюдений; 2) идее о том, что неразумно следовать какому-либо плану действий, если он непонятен (ввиду того, что он основан на традициях, обычаях или привычках); 3) идее о том, что неразумно следовать какому-либо плану действий, если его цель не была ясно установлена априори (эту серьезную ошибку допускали умы масштаба Эйнштейна, Рассела и самого Кейнса); 4) тесно связанной с ними идее, что неразумно совершать какие бы то ни было действия, кроме тех случаев, когда все их результаты заранее известны, наблюдаемы, а их благотворность, в утилитаристском понимании, подтверждена⁵². Такими являются четыре основные ошибки, которые допускают интеллектуалы-социалисты, и все они происходят от одной фундаментальной ошибки — веры в то, что наблюдатель-интеллектуал способен постичь, проанализировать и с помощью «науки» усовершенствовать практическую информацию, которую создают и используют те, за кем он наблюдает.

В то же время, когда социальный инженер верит, что он обнаружил в социальном процессе противоречие или рассогласованность, и «научно» обосновывает или рекомендует меры приказного характера, включающие институциональное принуждение или агрессию, дабы устранить рассогласованность, он совершает еще четыре ошибки: 1) он не понимает, что, скорее всего, его «наблюдения», относящиеся к обнаруженной им социальной проблеме, ошибочны, потому что он не в состоянии собрать всю существенную практическую информацию;

⁵² F. A. Hayek, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, 61, 62 [Хайек. Пагубная самонадеянность. С. 108—109]. Утилитаризм основан на той же интеллектуальной ошибке, что и социализм, так как он предполагает, что ученому-утилитаристу будет доступна вся информация об издержках и выгодах, необходимая для принятия «объективных» решений. Однако, поскольку такая информация не доступна централизованно, утилитаризм не может использоваться в качестве политико-социальной философии, и, таким образом, единственное, что остается — это действовать в рамках закона и шаблонных принципов поведения (морали). Действительно, это может казаться парадоксом, но с учетом неустрашимого человеческого неведения для человека нет ничего более полезного и практичного, чем действовать согласно своим принципам, отказавшись от наивного и близорукого утилитаризма.

2) он пренебрегает тем, что если эта рассогласованность действительно существует, то чрезвычайно вероятно, что какие-либо стихийные предпринимательские процессы уже начали действовать и устранят ее гораздо быстрее и с большим успехом, чем предложенные им приказные меры; 3) он не понимает, что если к его рекомендации прислушаются и социальный «ремонт» будет проведен с помощью принуждения, то, по всей вероятности, это типичное проявление социализма остановит, преврет или сделает невозможным тот необходимый предпринимательский процесс, в ходе которого рассогласованность могла бы быть обнаружена и устранена, и, следовательно, вместо того, чтобы решить проблему, приказ, основанный на рекомендациях социальной инженерии, еще больше осложнит ее и делает неустранимой; 4) интеллектуал-социалист в особенности склонен пренебрегать тем, что его поведение изменит весь каркас человеческой деятельности и предпринимательства, извратит их, сделает избыточными, и, как мы уже видели, направит их энергию на несвойственную им активность (на коррупцию, покупку привилегий у правительства, теневую экономику и т.п.)⁵³. Наконец, следует сказать, что социальная инженерия основана на распространенном в экономической науке и социологии некорректном методологическом подходе, который обращает внимание исключительно на конечные состояния равновесия и зависит от самонадеянного предположения о том, что вся необходимая информация дана ученому и доступна ему; этот подход и соответствующая ему презумпция буквально насквозь пропитывают большую часть современной экономической аналитики, полностью обесмысливая ее⁵⁴.

⁵³ На эти четыре ошибки, которые совершают социальные инженеры, советующие, на псевдонаучных основаниях, применять принуждение, обратил внимание Израэль Кирцнер. См.: Israel M. Kirzner, "The Perils of Regulation: A Market Process Approach" in *Discovery and the Capitalist Process*, 136—145.

⁵⁴ Norman P. Barry, *The Invisible Hand in Economics and Politics. A Study in the Two Conflicting Explanations of Society: End-States and Processes* (London: Institute of Economic Affairs, 1988). В следующих главах у нас будет возможность увидеть, как теоретики-сциентисты с их фиксацией на равновесии не сумели понять доводы Мизеса о невозможности экономического расчета в социалистической экономике. Мы также рассмотрим один из самых существенных побочных результатов этой полемики, а именно то, что она

Другие типы социализма (христианский, или солидарный, синдикалистский и т.п.)

Социализм, основанный на христианстве, или «солидарности», возникает тогда, когда конкретные результаты социального процесса оцениваются как неблагоприятные с «моральной» точки зрения и имеет место оправдание применения систематического институционального принуждения во имя того, чтобы исправить эти «несправедливости». В этом смысле основанный на «святом принуждении» христианский социализм не отличается от других проанализированных нами ранее типов социализма, и мы упоминаем его отдельно только из-за особых, более или менее религиозных оснований, которыми люди его оправдывают. Кроме того, христианский социализм обычно демонстрирует полное отсутствие знания и понимания того, как функционируют социальные процессы, движимые предпринимательством. В формулируемых им моральных суждениях господствует неопределенное представление о «солидарности» по отношению *к ближне-му* или *собрату*; однако оно не сопровождается пониманием того, что социальный процесс человеческого взаимодействия делает достижения цивилизации доступными не только для «ближних», но и для дальних и незнакомых. И это происходит стихийно, посредством процесса, в ходе которого разные люди, преследуя каждый свои собственные цели, сотрудничают друг с другом, несмотря на то, что они незнакомы. Наконец, христианские социалисты не считают принуждение морально недопустимым, если оно направлено на достижение *высших моральных* целей. Тем не менее систематическое принуждение, даже «святое», все равно остается античеловеческим и в силу этого является социализмом со всеми его характерными теоретическими последствиями, которые мы уже описывали⁵⁵.

обнажила методологическую непоследовательность современного экономического анализа, основанного на равновесии.

⁵⁵ Особенно важный источник по христианскому социализму — это книга *Religion, Economics and Social Thoughts*, ed. Walter Block and Irving Hexham (Vancouver, Canada: Fraser Institute, 1989). См. также: Mises, *Socialism*, 223—226 [Мизес. Социализм. С. 163—166].

Синдикалистский социализм — еще одна разновидность социализма; его сторонники пытаются с помощью систематического институционального принуждения создать общество, в котором рабочие *напрямую* владеют средствами производства. Эта разновидность, которую иногда называют социализмом самоуправления, все равно является социализмом в той мере, в какой опирается на массовое и систематическое использование принуждения и, таким образом, она воспроизводит все особенности и последствия социализма, которые мы уже рассматривали в этой главе. Однако синдикалистский социализм также порождает особые формы нарушения координации, несвойственные другим типам социализма, особенно если он не ограничивается простым перераспределением богатства, а задуман как стабильная экономическая и социальная система. Теоретики подробно проанализировали его типичные отличительные особенности и сделанные ими теоретические выводы были полностью подтверждены конкретными историческими примерами, скажем, Югославией, где была предпринята попытка осуществить синдикалистский социализм на практике⁵⁶.

8. Критика других определений социализма

Традиционное определение и процесс выработки нового определения

Социализм традиционно определяли как систему социального устройства, основанную на государственной собственности на средства производства⁵⁷. По историческим и поли-

⁵⁶ См. о синдикалистском социализме как таковом и о попытке реализовать его в Югославии: Svetozar Pejovich, “The Case of Self-Management in Yugoslavia” in *Socialism: Institutional, Philosophical and Economic Issues* (Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1987), 239–249 (включая ссылки на источники). См. также: E. Furubotn and S. Pejovich, “Property Rights, Economic Decentralization, and the Evolution of the Yugoslavian Firm, *Journal of Law and Economics* no. 16 (1973): 275–302.

⁵⁷ Действительно, Словарь Королевской Академии испанского языка определяет социализм именно «как систему социального и экономического устройства, основанную на коллективной,

тическим причинам это значение, которое на практике совпадает с данным нами чуть ранее определением «реального социализма», господствовало в течение длительного времени. Именно это определение Мизес использовал в 1922 г. в своем критическом трактате о социализме⁵⁸; позже и он сам, и другие его последователи использовали его в качестве отправной точки в ходе спора о невозможности экономического расчета при социализме, который у нас будет возможность тщательно изучить в следующих главах.

Однако традиционное определение социализма с самого начала было явно неудовлетворительным. Во-первых, оно носило очевидно статический характер, так как было сформулировано в терминах существования (или несуществования) конкретного правового института (прав собственности) в связи с конкретной экономической категорией (средствами производства). Использование этого определения требовало предварительного объяснения того, что такое права собственности, и связанных с этим экономических последствий. Кроме того, в ходе спора о невозможности социализма выяснилось, что его участникам было довольно сложно понимать друг друга именно из-за того, что они вкладывали разный смысл в понятие прав собственности. Наконец, под традиционное определение не попадали интервенционизм и экономическое регулирование, которые, хотя и не требуют полной национализации средств производства, также порождают в качественном отношении аналогичный эффект нарушения координации. По всем этим причинам представлялось весьма разумным продолжение поисков такого определения социализма, чтобы оно описывало самую суть этого явления, было свободно, насколько это возможно, от понятий, которые легко ошибочно истолковать,

государственной собственности и управлении средствами производства» [*el sistema de organización social y económica basado en la propiedad y administración colectiva y estatal de los medios de producción*].

⁵⁸ Мизес утверждает: «Суть социализма в следующем: все средства производства находятся в исключительном распоряжении организованного общества. Это, и только это, является социализмом. Все остальные определения вводят в заблуждение» (Ludwig von Mises, *Socialism*, 211 [Мизес. Социализм. С. 155]). По причинам, изложенным в тексте, мы полагаем, что Мизес ошибался, делая столь категорическое утверждение.

а также, подобно процессам, к которым оно относится, носило бы явно выраженный динамический характер.

Одним из самых важных следствий спора о невозможности экономического расчета при социализме стало создание и развитие экономистами австрийской школы (Мизесом, Хайеком, и в особенности Кирцнером) теории предпринимательства, которая раскрыла роль предпринимательства как ведущей творческой силы, стоящей за всеми социальными процессами. Направление, в котором следовало искать действительно научное определение социализма, было окончательно определено открытием, что врожденная способность человека к предпринимательству, выраженная в его личной творческой деятельности, это именно то, что делает возможной жизнь в обществе, так как она выявляет случаи социальной несогласованности и приводит к созданию и передаче информации, которая необходима для каждого человека, чтобы научиться приспособлять свое поведение к поведению других людей.

Следующий важный шаг на пути к созданию корректного определения социализма сделал Ганс-Герман Хоппе⁵⁹. Он выяснил, что ключевая характеристика социализма, его фундамент — это институционализированное вмешательство, или агрессия, против прав собственности. Его определение более динамично и в силу этого более практично, чем традиционное. Оно имеет дело не с наличием или отсутствием прав собственности, а с вопросом, используется ли принуждение или физическое насилие институционально, то есть организовано и регулярно, для нарушения прав собственности. Хотя мы считаем определение Хоппе большим прогрессом, оно не вполне удовлетворяет нас, так как требует предварительного определения или уточнения того, что имеется в виду под «правами собственности», и не упоминает о предпринимательстве как о главной силе, стоящей за всеми социальными процессами.

Если мы соединим идею Хоппе о том, что социализм всегда предполагает систематическое использование принуждения, с тем, что недавно сделал Кирцнер в теории предпринима-

⁵⁹ Hans-Hermann Hoppe, *A Theory of Socialism and Capitalism*, 2. Хоппе утверждает, что «социализм, который гораздо старше, чем марксизм XIX в., следует концептуализировать как институционализированное вмешательство, или агрессию, против частной собственности и прав частной собственности».

тельства, то придем к выводу, что наиболее адекватное определение социализма — это определение, которое предлагается и используется в этой главе, то есть, что социализм это *любая организованная система институциональной агрессии против предпринимательства и человеческой деятельности*. Это определение обладает тем преимуществом, что оно общепонятно и не нуждается в подробном предварительном объяснении того, что такое права собственности и какие последствия они влекут за собой. Очевидно, что человеческая деятельность может либо быть, либо не быть агрессивной, и что если она не агрессивна, а также не сводится исключительно к защите от произвольной или несистематической внешней агрессии, то эта деятельность есть наиболее сокровенная и типичная, то есть совершенно законная особенность человека, и, соответственно, ее следует уважать.

Иными словами, мы полагаем, что наше определение социализма наиболее уместно потому, что оно сформулировано в терминах человеческой деятельности, самой сокровенной и фундаментальной черты человека. Кроме того, социализм рассматривается как институционализированное насилие против как раз тех сил, которые делают возможной жизнь в обществе, и в этом смысле утверждение, что *нет ничего более антисоциального, чем социалистическая система*, парадоксально только на первый взгляд. Одно из самых больших достоинств нашего определения социализма состоит в том, что оно демонстрирует это. Несомненно, процесс свободного от агрессии (вмешательства) социального взаимодействия требует соблюдения целого ряда норм, законов и обычаев. Все вместе они образуют материальное право, то есть рамку, внутри которой могут мирно совершаться человеческие действия. Тем не менее право не предшествует человеческой деятельности, а эволюционирует (в виде обычая) как раз по мере процесса социального взаимодействия. Следовательно, согласно нашему определению, *социализм это не система институциональной агрессии против результата эволюции предпринимательства (то есть прав собственности), а система агрессии против человеческой деятельности (предпринимательства) как таковой*. Наше определение социализма позволяет нам прямо связать теорию общества с теорией права и его возникновения, развития и эволюции. Кроме того, оно позволяет нам поставить на уровне теории вопрос о том, какие права собственности возникают в результате доб-

ровольного (непринудительного) социального процесса, какие права собственности являются справедливыми и в какой степени социализм этически допустим (или недопустим).

Социализм и интервенционизм

Другое достоинство нашего определения социализма состоит в том, что под него подпадает социальная система, основанная на интервенционизме. Действительно, вне зависимости от того, рассматривать ли интервенционизм как типичное проявление социализма, или — что встречается чаще — как промежуточную систему между «реальным социализмом» и свободным социальным процессом, ясно, что, поскольку любые интервенционистские меры представляют собой агрессивное институциональное насилие по отношению к конкретной социальной сфере⁶⁰, интервенционизм, какими бы ни были его мотивы и его степень, и к какому бы типу он не относился, с точки зрения нашего определения является социализмом и, соответственно, неизбежно будет порождать все описанные в этой главе нарушения социальной координации.

Приравнивание термина «социализм» к термину «интервенционизм» не означает неоправданного расширения обычного значения этих слов, и является, собственно говоря, ана-

⁶⁰ Вот второе значение, которое дает Словарь испанского языка Королевской Академии для слова «интервенционизм»: «промежуточная система между индивидуализмом и коллективизмом, которая поручает государству управлять частной инициативой в жизни общества и дополнять ее» (*sistema intermedio entre el individualismo y el colectivismo que confía a la acción del Estado el dirigir y suplir, en la vida del país, la iniciativa privada*). Однако, мы видим, что составители словаря противоречат сами себе, приписывая интервенционизму «промежуточный» характер, поскольку они занимают позицию, очень близкую к нашей, когда в том же самом словаре определяют «социализм» (*socialismo*) как «государственное регулирование экономической и социальной активности и распределения благ (*regulación por el Estado de las actividades económicas y sociales, y la distribución de los bienes*)». Последнее определение очень близко по смыслу к определению, которое словарь дает слову *intervencionismo*, и это оставляет у нас впечатление, что его авторы считают эти два термина — *socialismo* и *intervencionismo* («социализм» и «интервенционизм») — почти полными синонимами.

литическим требованием основанной на предпринимательстве теории социальных процессов. В самом деле, хотя первые теоретики австрийской школы, занимавшиеся интервенционизмом, первоначально рассматривали его в качестве отдельной от социализма категории, по мере развития полемики о невозможности экономического расчета при социализме границы между двумя этими понятиями стали размываться, и это продолжалось вплоть до наших дней, когда сторонникам теории предпринимательства стало ясно, что между социализмом и интервенционизмом нет качественной разницы⁶¹, хотя в разговорной речи эти слова иногда используются для обозначения разных степеней одного и того же феномена.

Кроме того, предлагаемое определение социализма позволяет ученым выполнить важную функцию, представив в истинном свете совершающиеся сейчас в очень многих политических, социальных и культурных областях искусные попытки придать интервенционизму устойчивость к тем естествен-

⁶¹ Например, относительно «интервенционизма», Дон Лавой недавно сделал такой вывод: «Можно продемонстрировать, что он саморазрушителен и иррационален примерно по тем же причинам, по которым Мизес объявил невозможным полностью централизованное планирование... разрозненные акты государственного вмешательства в систему цен точно так же должны считаться препятствующими процедуре открытия [нового знания] и, соответственно, настолько же извращающими знание, которое при этом порождается. Таким образом, аргумент экономического расчета может использоваться для объяснения многих частичных провалов, возникающих в результате *кромсания* государством системы цен, примерно так же, как он используется для объяснения полного экономического краха, неизбежно следующего за попытками *отменить* систему цен». См.: «Introduction,” *The Journal of Libertarian Studies* 5, no. 1 (winter 1981): 5. В свою очередь, Израэль Кирцнер много раз упоминал о *параллелях* между «социализмом» и «интервенционизмом». См.: Israel Kirzner, “Interventionism and Socialism: A Parallel” in “The Perils of Regulation: A Market-Process Approach,” chap. 6 in *Discovery and the Capitalist Process*, 121 ff. Нам следует подвергнуть критике идею о возможности экономического расчета в условиях интервенционизма, которую раз или два случилось защищать даже Мизесу: в тех сферах, где существует вмешательство, такой расчет невозможен и если в принципе расчеты возможны, то только потому, что вмешательство системы не распространяется на все общество (в той степени, которая характеризует реальный социализм).

ным и неизбежным последствиям, которые логически вытекают для него из экономического, социального и политического коллапса его ближайшего предшественника и интеллектуального предтечи: «реального социализма». По большей части, реальный социализм и интервенционизм представляют собой просто два проявления разной степени интенсивности одного и того же феномена институционального принуждения; они полностью разделяют одно и то же фундаментальное интеллектуальное заблуждение и его пагубные последствия⁶².

*Бессодержательность «идиллических»
концепций социализма*

Бессмысленно и бесполезно давать социализму определения, основанные на субъективных, идиллических оценках. Определения такого типа, которые господствовали первоначально, никогда не исчезали полностью, а их возрождение в наше время является побочным продуктом демонтажа «реального социализма» и упорного желания многих интеллектуалов спасти хотя бы идиллическую концепцию социализма, способную сохранить некоторую привлекательность для общества. Таким образом, нередко можно снова встретить определение социализма как «социальной гармонии»⁶³, «гармоничного союза чело-

⁶² Наше определение социализма, является все же менее широким, чем определение Алчиана. Он утверждает, что «*государство — это по определению социализм*» и делает из этого вывод, что для сохранения рыночной экономики необходим по крайней мере некий минимум социализма. Во-первых, как мы уже отмечали (см. сноску 2), минимально необходимый для того, чтобы предотвратить и подавлять изолированные всплывающие несистематического принуждения, уровень институционального принуждения нельзя считать социализмом. Во-вторых, неясно, насколько этот минимум принуждения должна обязательно обеспечивать монополистическая, государственная организация. См.: Armen Alchian and William R. Allen, *University Economics: Elements of Inquiry*, 3rd ed. (Belmont, California: Wadsworth Publishing, 1971), 627—628.

⁶³ См. в связи с этими «идиллическими» определениями статью А. Ноува: Alec Nove, “Socialism” in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 4 (London: Macmillan Press, 1987), 398. Ноув в конце концов приходит к традиционному определению социализма, согласно которому «общество может считаться соци-

века и природы» или просто «максимизации благосостояния населения»⁶⁴. Все эти определения не имеют смысла, потому что мешают понять, намерен ли тот, кто их предлагает, оправдывать систематическое использование институционального принуждения против свободного человеческого взаимодействия. Таким образом, в каждом случае нужно будет отдельно выяснять, с чем мы имеем дело: с примитивным и откровенным оппортунизмом, с сознательным желанием укрыть институциональную агрессию за красивым фасадом или попросту со спутанностью сознания и туманными идеями.

Может ли термин «социализм» когда-либо возродиться?

Хотя это и не абсолютно невозможно, нам представляется очень сомнительным и крайне маловероятным, что значение слова «социализм», которое относится к грубой интеллектуальной ошибке и проистекает из пагубной сциентистской самонадеянности, в будущем изменится настолько, что возникнет возможность возрождения этого слова и его переопре-

алистическим, если большая часть средств производства товаров и услуг находится не в частных руках, а в некотором смысле в общественной собственности и управлении: либо у государства, либо у обобществленных предприятий, либо у кооперативов». Между прочим, на с. 407 этой статьи Ноув обнаруживает полное непонимание динамической теории предпринимательства, когда объединяет Мизеса с «чикагской утопией» и критикует капитализм за то, что он отличается от модели «совершенной конкуренции», которую можно найти в учебниках.

⁶⁴ Это определение дал Оскар Ланге в 1942 г., в свой наиболее «либеральный» период, до того, как он эволюционировал к бескомпромиссному сталинизму. На лекции 9 мая 1942 г. в Социалистическом клубе Чикагского университета Оскар Ланге сказал: «Под социалистическим обществом я имею в виду общество, где экономическая, особенно производственная активность, направлена на максимизацию благосостояния населения». Он добавил также, что в его определении «главное — это цель, а не средства». См. лекции Оскара Ланге: Oskar Lange, “The Economic Operation of a Socialist Society: I and II” in Tadeusz Kowalik, “Oskar Lange’s Lectures on the Economic Operation of a Socialist Society,” переиздано в: *Contributions to Political Economy* no. 6 (1987): 3, 4.

деления на основе теоретического анализа социальных процессов, свободного от научных ошибок. Единственно возможный вариант обновления слова «социализм» — это его переопределение на основании концепции общества как стихийного порядка и процесса, движимого врожденной способностью человека к предпринимательству, который мы подробно описали в предыдущей главе. В этом случае люди больше не считали бы социализм принципиально антисоциальным и это слово стало бы означать любую свободную от принуждения систему, которая уважает процессы добровольного человеческого взаимодействия. Таким образом, «социализм» стал бы синонимом таких словосочетаний, как «экономический либерализм» и «рыночная экономика», выражающих сегодня идею уважения к стихийным социальным процессам и минимизации систематического принуждения, применяемого к ним государством⁶⁵. Однако разочарование, вызванное интенсивной и непрерывной погоней за социалистическим идеалом, а также безумная самонадеянность, которую человечество демонстрирует во всех сферах жизни, и особенно — в науке, политике и в обществе, не позволяет поверить, что подобное семантическое развитие может реализоваться на практике.

⁶⁵ Это стало бы примером реабилитации слова и придания ему логически обоснованного значения в ходе процесса снятия семантической порчи, которую всегда наводит прилагательное «социальный», присоединяясь к какому-нибудь существительному (см. выше, сноску 35).